

И.В. Дудко

Энциклопедия наших жизней:
(семейная сага). Истоки. Книга 4

Детство и юность Ираиды Глава 3

Ираида Владимировна Дудко
Энциклопедия наших
жизней: семейная сага.
Истоки. Книга 4. Детство
и юность Ираиды Глава 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43424151

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05844-6

Аннотация

Эта 4-я книга завершает серию книг под названием: Энциклопедия нашей жизни: семейная сага. Истоки. Книга 4. Глава 3. В эту 4-ю книгу включены следующие воспоминания: конец юности; друзья и подруги; разные письма конца 50-х; о том, как прогулялась замуж; получила диплом техника-строителя; работа и приключения в Армении; возвращение в Шатуру; первая любовь и ссора; работа и жизнь в общежитии на ТЭЦ-22; воссоединение семьи; судьбоносная встреча и – свадьба.

Содержание

Введение	4
Часть 1	5
Часть 2	17
Часть 3	56
Часть 4	66
Часть 5	81
Часть 6	84
Часть 7	93
Часть 8	99
Часть 9	118
Часть 10	125
Часть 11	130
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Введение

Предыдущая 2-я книга нашей семейной саги – «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ» – ИСТОКИ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ИРАИДЫ охватывают период с 1946 по 1959 годы моей юности.

В этой третьей Главе я окончательно прощаюсь с юными годами, которые итак, кажется – затянулись дольше, чем следует...

Вероятно, несмотря на возраст, перешагнувший за 20, моё сознание не хотело меня отпускать из поры беззаботности и капризной наивности.

Понимая, как не надо делать, я вопреки рассудку поступала именно так, как не надо было поступать. Я продолжала "плыть по течению" не задумываясь о последствиях. Я продолжала шагать по жизни, не живя, а играя в жизнь. Не строя планы, а мечтая о красивом будущем. По прежнему продолжала флиртовать с мальчиками, которые уже перешли давно в возраст юности. Как и раньше мне нравилось иметь много поклонников. Но, как и прежде, я не готова была отдавать сама в ответ на их влюблённость – ничего.

Но, видимо Бог всё-таки однажды сумел вразумить меня и поставил перед выбором – продолжать легкомысленный образ жизни или – создать семью... И я – выбрала...

Часть 1

На досуге

1955–1956 г.г.

После «романа» с Виктором Рябчиковым, у меня в мозгах образовалось пустое место (именно в мозгах, а не в сердце). Ведь, говорят, что сердце – это чувства, а мозги – это хладнокровный рассудок. Надо было чем-то заполнить образовавшуюся пустоту.

Мне, как и прежде, хотелось постоянно ощущать вокруг себя ауру тёплых чувств, внимания, если хотите – признания и поклонения мальчиков и, теперь уже и юношей. Я сейчас думаю, что, наверное, это свойственно всем мальчиками и девочкам, а потом – девушкам и юношам. У некоторых это проходит с годами, а у иных сохраняется на всю жизнь...

Это – Я (Ираида)

В здании общежития, на первом этаже размещался красный уголок. Практически каждый свободный вечер мы спускались туда на посиделки и на танцы. Танцевали под радиолу. Там в основном собирались наши же студенты. Но иногда на наш огонёк залетали и чужие мотыльки.

Однажды Толя Тарасов, наш комсомольский вожак приехал на танцы своего друга, приехавшего в отпуск. Естественно, в первый же вечер его появления у нас на танцах, я с ним познакомилась. Он называл себя – Николай Петрович, был офицером, служил в лётных войсках. Мы танцевали с ним каждый вечер, до самого его отъезда в часть. Он писал мне хорошие письма.

Николай Петрович

ПИСЬМА ОТ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА

Письмо в Орехово-Зуево из Выборга – «Ленинградская область, Выборгский район, П/О Вещево, В/Ч 40442 Николаю».

25.12.55 г.

ИРА, ПРИВЕТ!

Сегодня утром приехал в наш заснеженный край лесов, озёр и диких камней. В этой дикости природы есть и своя прелесть. Здесь сейчас тепло: так примерно градусов 10, не больше. Сегодня весь день идёт симпатичный снежок.

Когда я приехал сюда два года назад, после южного климата Германии, эта северная природа показалась мне очень не уютной. Но это только первые впечатления. Нам, военным, свойственно очень быстро привыкать к любым условиям, и мы умеем быстро находить и ценить хорошее, даже в кажущемся на первый взгляд плохом.

Ну, наверное, хватит географии. Боюсь надоест, и навеять на тебя скуку, как в последний вечер.

С завтрашнего дня выхожу на работу. Отпуск кончился, кончилась весёлая лирика, начинается суровая проза. Накопились дела и по работе, да и по комсомольской работе надо кое-чего сделать к новому году.

Ну, а как вы думаете встретить новый 1956 год? Где? У вас будет карнавал, но новый год положено встречать и звоном весёлых бокалов (за новый год обязательно надо).

«Что год грядущий нам готовит?». Хотелось бы и мне быть вместе с вами. Но, как говорят: – «Мечты, мечты, где ваша сладость?»».

Желаю тебе в новом году в учёбе и личной жизни успехов, и в сценической деятельности.

Пиши. Буду ждать. Передавай привет всем девочкам. Как вышли на фото ваши авиаторы? Привет Гоге. А к Толе Тарасову я так и не зашел, поросёнок. Увидишь, тоже передавай привет. Привет и вашей хозяйке.

Посылаю фото. Прочтёшь и обязательно порви. Хотел найти хороших новогодних открыток. Но, ни в Москве, ни в Ленинграде не нашел. В Москве было немного времени. Сходил в Третьяковку. А в Ленинграде смотрел кино – «Матрос Чижик». Если не смотрела, то обязательно сходи.

Крепко жму твою мужественную лапку.

Николай Петрович.

11.01.56 г.

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

Твои письма получил. Благодарю. Откровенно говоря, уже не ждал. Спасибо за хорошие пожелания в новом Году, за фото и за петухов. Пусть они следят за временем, но не будят меня раньше моего будильника.

Пару слов о моём житье-бытье. 30-го смотрели здесь концерт московских артистов. Концерт довольно приличный по нашим глухим местам. От нас до

Выборга – 30 км. Пятьдесят минут поездом и 30 минут мотоциклом летом.

Концерт был с участием Тамары Гварцители – исполнительницы цыганских романсов и песен. Были и другие порядочные номера. Конферанс вёл Эмиль Радов – тип в артистических кругах не безызвестный. Исполнил много хороших интермедий, и в том числе и «на катке» (или «лучшее время года»). Но всё – же я с ним не согласен.

Всем зимним прелестям, лыжам и конькам я предпочитаю свой мотоцикл, встречный ветер, дороги и озёра, и даже – клубы пыли за моей спиной.

Новый год встречал в кругу своих друзей – холостяков, а потом танцевали до 4-х часов. Это не был бал-маскарад, но всё-таки было сравнительно весело.

1-го тоже был вечер, танцы и прочее.

Итак, старый год кончился. Интересно, что новый год готовит нам? Ира, спасибо за пожелания в любви. К концу старого подошел без неё. Но будем надеяться, что ещё не всё потеряно, и в новом будет. И, черт побери, если наши сердца не способны биться с повышенным пульсом!

Ты права, что проходят самые дорогие годы, годы молодости, И жаль, что они проходят порой не так, как хотелось бы. Хотелось бы прожить их лучше, интереснее.

Ты права и в том, что нужно брать от жизни всё, что она даёт, брать даже и на время. Ведь, в жизни нет ничего вечного.

Как говорится, не надо жалеть о том, что не досталось, и не стоит отказываться, когда это «всё» даётся в руки.

Согласись, Ира, что мы очень многое оставляем на будущее. Даже мечтаем в будущем о том, что можно иметь в настоящем, и не замечаем того, что уходит, как ты говоришь – «золотые горы».

Приходят новые мечты, и не всегда осуществляются старые, о которых порой приходится жалеть. Будем надеяться, что новый, 1956-ой год подбросит в наши жизни что-нибудь хорошее.

Ты пишешь, что понравилось кино – «Матрос Чижик». Я его тоже смотрел. Хорошо играли все трое: и Чередниченко и Кузнецов, и особенно, пацан. Смотрел в Ленинграде, когда ехал сюда.

Пора, наверное, закругляться. Заехал на второй листок, а писать больше, вроде, не о чем. Писать о работе – тебе вероятно, мало интересно. По комсомольской – хватает по уши. Сейчас приступили к обмену. А с этим делом приходится и другими мероприятиями заниматься.

Поздравляю с днём рождения. Желая всего, чего ХОТЦА, и всего в большом количестве, а любви обязательно, и побольше.

Привет всем девчонкам, тёте Кате, Гоге и Нэлли, привет всему Орехову, всем кирпичам и заборам, всем достопримечательностям нашего хорошего города. Летом постараюсь быть дома. Обязательно.

Всё. Пока. Жду.

С ПРИВЕТОМ – Николай Петрович.

Забыл в отношении злого и вредного почерка, но в эту сторону у меня тоже не получается, а вообще, иногда бываю и злым и вредным.

10 часов вечера 11.01.56 г.

Писал под звуки музыки. Передавали хороший эстрадный концерт с аргентинскими и мексиканскими мелодиями. Так и хочется поближе к паркету...

10.04.56 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Не хочу молчать всё в том же духе, как ты выразилась в своём письме. Извини, что не ответил сразу, т. к. был в командировке в г. Пушкино, и помимо работы, наслаждался прелестями пушкинских мест.

Особенно хороши Екатерининский и Александровский парки с многочисленными прудами, фонтанами, памятниками и беседками. Говорят, что летом здесь рай. Весьма возможно.

Не обижайся, Ира, что не ответил на твоё письмо. Наверное, у меня было тоже такое настроение, с каким ты писала его мне.

Живу без перемен. Жду весну, которая в этот год у нас здорово задерживается, и снег ещё не начинал таять. А как светит Ореховское солнце? Наверное, потекли

ручьи?

Что нового? Как твои успехи и чем занимаешься в сей момент? Я думаю направить свои стопы в Орехово с середины июня. Мечта, которую во что бы то ни стало надо сделать реальностью. А пока работаю, хожу в свободные дни в кино (последние фильмы смотрел – «Мексиканец» и «Борьба в долине»). Первый фильм не понравился – скучновато. Второй понравился. Особенно хорошо музыкальное оформление. И ещё раз жду весну.

Вот, пожалуй, и все новости о себе. Да, на днях встретил Ореховского. Очень неожиданная встреча. Зовут его Володя Пименов, лётчик, приехал сюда из Баку. Он тебя знает по самодеятельности (ваше выступление в «Респираторе» ещё во время моего отпуска). А я знаю его ещё с пятого класса. Вместе гоняли коз, и вместе начали бегать за девчонками. Давно, смешно, но всё – же очень интересно вспоминать первые шаги.

Ну и ещё одна новость, не столь значительная и интересная. Мне присвоили звание старшего лейтенанта.

Ну, наверное, мой запас новостей иссяк. Ещё раз извини, и обязательно пиши. Крепко жму твою руку, и с твоего разрешения, целую (хотелось бы крепко).

Николай Петрович.

10 часов вечера. (Наш холостяцкий кубрик).

Письма были интересные. Но это были всего лишь письма.

А мне нужны были сиюминутные приключения.

Когда Николай приехал в очередной отпуск, он в первый же вечер появился в общежитии. Обрадовался, когда увидел меня. Но вскоре кто-то из благожелателей рассказал ему, что за время его отсутствия я успела «прогуляться» замуж. И, придя к нам в красный уголок вечером, на танцы, он ко мне больше не подошел... Ну, и не надо...

Я занималась в художественной самодеятельности. Сумела даже записаться в драматический кружок в центральном доме культуры Орехово – Зуево.

Кстати, там я не раз ходила на спектакли, которые ставили, приехавшие на гастроли московские театры. Однажды, вскоре выхода на экран картины «Свадьба с приданным», весь первый состав артистов приехал с этим же спектаклем на гастроли. Я сидела в зале на первом ряду, и прямо передо мной на сцене играли – Вера Васильева, Пельцер и другие известные актёры.

Интересно, почему я никогда даже не попробовала поступать в какое-нибудь театральное училище? Но, из меня настоящей артистки всё равно никогда не получилось бы. Способности, конечно, были, но я была внутри слишком скованной. Я не могла расслабиться, раскрыться... На сцене меня всегда преследовала мысль – а как я выгляжу со стороны? А, когдаходишь в какую-либо роль, разве можно думать ещё о чём-то?

Но, наверное, что Бог ни делает, всё – к лучшему...

Часть 2

«Сходила» замуж

На фотографии – ТОЛЯ ГЕЙБЕР, перед которым я всю свою жизнь считаю себя виноватой

Кроме самодеятельности, я записалась в литературный кружок. Занятия его были как, наверное, во всех других таких же кружках. Кто-то читал свои стихи, или рассказы. Остальные – критиковали. А на следующем занятии – критиковали их. Там я познакомилась с двумя ребятами – Толиком Гейбер и Владиком Бахревским. Владик сочинял сказки и детские стихи.

Толик работал на стройке прорабом, но мечтал быть журналистом, а пока писал фельетоны в местную газету.

После занятий в кружке, они оба провожали меня до общежития. И ухаживали они за мной оба. Нужно было выбирать. Владик был с меня ростом, симпатичный, какой-то весь пухленький. Толя был более спортивного вида, с чёрными кудрями, красивыми глазами, но не красавец. Мне нравилась его рассудительность, эрудиция, скромность. Впрочем, излишняя скромность мне никогда не нравилась. С такими всегда скучно.

Благодаря Толе, я стала вхожа в редакцию местной газеты. Мне, как «внештатному корреспонденту» стали давать маленькие задания. Я брала интервью у каких-то рабочих. Заметочки в двадцать строчек печатали. И я даже получала маленький гонорар.

Постепенно нас с Толей сближали общие интересы. Он

меня стал знакомить со своими близкими друзьями. Помню, однажды в выходные, мы пошли в гости к его друзьям. Это были молодожены – муж с женой. Они жили с родителями в домике на окраине города. У них был свой сад. В честь нашего прихода, они накрыли стол в саду. Самое интересное, что они нам демонстрировали – как делать самогон. На столе стояла установка, и из неё, как из самовара капали капли прозрачного, как вода, напитка. Они пробовали его (наверное, был первачок), хвалили. Я попробовала несколько капель, ничего в этом напитке не поняла. Наверное, было ещё рано для таких знаний.

Возвращаться решили ради прогулки пешком. Причём, если повернуть по дороге налево – пойдёшь в город, направо – узкоколейка вела в лес. Мы пошли направо. Я пробовала идти по одному рельсу. Толя поддерживал меня за руку. Потеряв равновесие, я чуть не упала. Он меня поймал в объятия, и мы поцеловались. Для него, видимо, это очень многое означало, а для меня – ровным счётом ничего. Тем не менее, с занятий литературного кружка, он стал провожать меня уже один. И прощаясь, мы уже целовались каждый раз.

У меня затерялась записная книжка, а, может быть, она где-то и валяется. Но отдельные листочки попадают среди писем.

Когда мы сидели на занятиях литературного кружка, мы переписывались на страничках этой маленькой книжечки.

Но вот попался в руки маленький листочек из неё. Как

видно, с отрывочком из нашего диалога:

И. – Ты выбрал?

Т. – Да здравствует эгоизм!

И. – Я делаю то же, но не признаюсь даже себе (какое противоречие!)...

Т. – Не делай этого. Искореняй эгоизм. Борись с ним. Будь он трижды проклят!

И. – Ты тоже противоречишь сам себе.

Т. – В этом смысл моей настоящей жизни.

И. – Плохо.

Т. – Но не особенно.

А вот ещё листочек...

Т. – За какую свободу? Ты просто анархистка. Что касается наших отношений, то я за любовь, а не за дружбу, ясно?

И. – Ты не ответил на вопрос. Толчек! А не пожалеешь? А к чему обязывает любовь?

Любопытно, что на обратной стороне этой странички написана выдержка:

«В русском языке есть великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, и сверх того богатство и сильная в изображении краткость греческого и латинского языка».

ЛОМОНОСОВ.

В общем уже из этих отрывочных фраз наших записо-

чек ясно, что отношения из дружеских грозили перерасти во что-то большее.

Толя, наверное, действительно, влюбился в меня. А для меня это была очередная игра. Хотя он мне нравился, но до любви было так далеко. Да и есть ли любовь, и смогу ли я полюбить по – настоящему? А пока я ценила дружбу... А по отношению к Толе – это были придуманная любовь, вернее – иллюзия любви, которую мне так хотелось пережить на самом деле. А в придуманной любви, как в пьесе – я выбрала роль и должна была её сыграть.

В этот раз я заигралась. Когда Толя объяснился мне в любви, правильно было бы оборвать наши отношения, как я уже раньше делала не раз. Я даже не знаю почему, я этого не сделала, а, наоборот, поддержала его намерения надеждой на что-то большее.

Почему? Было много жизненных обстоятельств, в которых мне надоело находиться. Продолжать жить в семье с мачехой не хотелось. А это означало, что нужно было прощаться с Шатурой, чтобы получить независимость и свободу. Хотя что я имела в виду под словом – «свобода», я не задумывалась.

Приближалось время окончания техникума. Если – не Шатура, может быть – Орехово-Зуево? Есть друзья, которые помогут... Я – будущий строитель – по специальности по крайней мере. И Толя Гейбер – работает на стройке. Поможет с работой...

И вот однажды он мне сделал предложение – выйти за него замуж.

Такое у меня уже было, когда Виктор Рябчиков сватался ко мне. Не знаю почему, но у меня где-то проскользнула мысль – «А почему бы и нет?» Скоро окончится учёба. Можно будет никуда не ехать по распределению. Опять же – не нужно жить в Шатуре с мачехой, а можно создать свою семью... И я размечталась.

Совершенно не представляя, что такое собственная семейная жизнь, да ещё и без захлёстывающих тебя чувств?!?! Не имея, пардон, кроме голой жопы, никаких материальных средств, я, как с головой в омут, сказала – ДА...

А сказав – да, я поняла, что заигралась, и ходу назад нет.

Толик пригласил меня к себе домой познакомиться с родителями. Родители его были уже не молодыми.

Папа – полноватый, среднего роста, держал собственную вещевую палаточку, где-то на центральном рынке. Мама – седоватая, вся какая-то светлая и спокойная женщина, домохозяйка. Братишка – Виктор. В отличие от Толи – яркий блондин, младший в семье.

И ещё была сестрёнка – Валя, тоже светленькая. В этом году она кончала институт. В честь меня был накрыт стол, приготовлен вкусный обед.

Меня немного смущала белая скатерть и торжественность обстановки. Все смотрели на меня с любопытством, хотя и

старались это скрыть. Потом Толя поднял тост и объявил, что этот момент – наша помолвка...

Я поняла, что назад хода нет... И всё пустила на самотёк. Следующий шаг – Толя написал письмо моему отцу.

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ!

Простите меня за то, что не посоветовавшись, и даже не познакомившись с Вами, я упрямил Вашу дочь пойти на столь серьёзный шаг, но мы любим друг друга. Я убеждён, что Ира будет счастлива со мной.

Я думаю, Вы согласитесь с тем, что настоящая любовь (пусть начавшаяся с некоторыми отклонениями от общепринятых норм житейской этики) заслуживает прощения.

Вам, Владимир Васильевич, вероятно, интересно знать, кто я такой и «чем дышу». С другой стороны, я бы очень хотел познакомиться с Вами.

Поэтому назначьте любое воскресенье, и я приеду.
С ПРИВЕТОМ – Анатолий.

В это время у нашего курса началась преддипломная практика. Как и в предыдущем году, я привезла справку о согласии принятия меня на работу, на стройку, в Шатуру, на период преддипломной практики. Справку мне, естественно, сделал отец. И я, на период практики, в Орехово почти ездить перестала.

Толя звонил каждый день. Дома телефона не было, поэтому вызовы приносили с почты. Он настаивал, чтобы я приехала в Орехово. Я обещала. Тем более, что наступали Первомайские праздники.

Но поехала я в Орехово на день победы. Вот точно не помню, но мне кажется почему-то, что мы расписались не то 8-го, не то 9-го мая. Хотя были праздники, и ЗАГС не работал. Ну, в общем всё-таки расписались.

Пришли к Толику домой. Нас опять поздравили, накормили обедом, после которого я извинилась, и сказала, что обязана быть дома, что это временно, а потом, позже, когда кончится практика, я переду в Орехово насовсем.

Я вернулась в Шатуру, а новоиспечённый муж остался у себя дома.

Когда мы расписались, пошли на переговорочный пункт и позвонили отцу, о том, что «оно, т. е. событие свершилось». Перед телефонными кабинками стояла скамейка, на которой сидел мужчина. Он обратился к нам – «Я из вашего разговора правильно понял, вы расписались?» – «Да» – «Вы сделали ошибку. В мае нельзя было принимать таких решений. В лучшем случае, вы скоро разведётесь, в худшем – будете маяться всю жизнь. Поверьте мне. Я всё это прошел на собственном опыте»...

Мы отшутились – «Жизнь покажет!»...

Дальше наступил период писем, и редких встреч. Толе я говорила, что жить вместе с родителями неудобно, что жить

с моими – тем более. Нужно снимать комнату, пока не получим своё жильё...

Письма из Шатуры в Орехово-Зуево – «Орехово-Зуево, Кировская 5/15, кв. 7 Гейбер Анатолию».

ТОЛИЧЕК, ЗДРАВСТВУЙ!

Пишу на работе. Какой? Начальник растворного завода на несколько дней, пока заболела К. Н. А вообще – мастер 8-и квартирного дома. Должна произвести все отделочные работы и сдать дом – «ПРОИЗВЕСТИ» – будто бы я сама их буду делать. Но, между прочим, все прорабы и мастера всегда говорят: – «Я построил, я сделал...».

Сегодня ты уже получил моё письмо. Значит, 10-го жду утром с Валеёй. Вообще, рады были бы видеть всех, если это возможно.

Толя, у меня неприятности с мачехой. Дай мне слово, что даже познакомившись с ней, ты не будешь слушать ни одного её слова. Хорошо? Видишь ли, хоть отец с ней и не живёт, она всё-таки на что-то ещё надеется. А в воскресенье папа отправился с некой Е. Д. и с сотрудниками в лес, на пикник, а вечером в кино. И на основе этого у бывшей мачехи разразился припадок ревности. В потоке изрыгаемых ею проклятий, сверкнули мстёй слова такие – отцу она выжжет глаза, Бориса посадит, а мне постарается

испортить личную жизнь, познакомившись с тобой, и, может быть, с твоей семьёй. Это просто взбалмошная женщина, которой Шатура не верит уже, и знает, что она из себя представляет. Она всё время терроризирует нашу семью и провоцирует.

Толя, я уже просто не представляю – какое это счастье – вырваться из этой обстановки. Ты должен понять, насколько меня трогает дружба вашей семьи и чуткое отношение ко мне.

Пожалуй, я кончу писать, а то могу написать о том, о чём только что думала, что не имея права доставлять тебе хоть и неумышленно, – неприятность (в смысле бывшей мачехи), – можем развестись.

Папа хотел бы, чтобы ты написал фельетон. Тема хорошая – все её похождения, кляузы и т. д. Он бы тебе всё подробно рассказал.

Толя, извини, что написано грязно и небрежно, но приходил главный инженер, пришлось... смазать.

Толя, делаю приписку на почте – ещё раз извини за ужасное письмо, но представь себе растворный завод, и ты извинишь.

Кстати, был суд, который отказал мачехе в комнате в нашей маленькой квартире.

Привет всем, всем, всем...

Целую. Твоя – И. Степанова.

5.06.56 г.

ИРОЧКА, МИЛАЯ, СПАСИБО ЗА ПИСЬМО!

Твои приветы передал, то же самое сделай с моими.

У нас всё нормально. У отца – благополучно. Мама чуть-чуть прихварывает. Валька целыми днями сидит на балконе – учит. Кажется, она теперь больше похожа на жертву, чем её унылый приятель. Не претендуя на амплу провидца, можно уже предполагать, что мы с тобой на их свадьбе погуляем раньше, чем на своей собственной. Витька сдаёт – осталась география. Молю за него небо, ибо сам он не молится, ни (тем более) учить не умеет. Я здорово скучаю, Ира.

Жизнь проста: гиря, работа, немецкий – гиря. Сегодня официально со всеми справками подал заявление на жил. Площадь. Думаю – дело выгорит. Уже подыскиваю «вигвам», а в августе буду создавать тебе уют.

10 июня в 6 с чем-то сяду в автобус «Орехово – Куравское». Один, так как у Вальки экзамены.

ЛЮБЯЩИЙ ТЕБЯ БЕЗ ЗАЗРЕНИЯ СОВЕСТИ – ТОЛЬКА.

ТЕЛЕГРАММА ОРЕХОВО-ЗУЕВО КИРОВА 5/15
кв 7

ГЕЙБЕР ВАЛЕНТИНЕ ИЗ ШАТУРЫ

8.06.56 г. ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЁМ РОЖДЕНИЯ
ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ И СКОРОЙ СВАДЬБЫ

ИРА

10.07.56 г.

МИЛАЯ МОЯ ИДКА!

Жду тебя в субботу – это моё желание, которое я выиграл в шашки. Кроме того, в субботу вечером, или в воскресенье утром уезжает на Алтай Валентина, свет, Давыдовна. Необходимо в семейном кругу отпраздновать. Верно?

Будут, вероятно, обе Юльки, Инка. До сих пор ты сдерживала все свои обещания. Надеюсь, что и то, что ты мне дала на вокзале, станет реальным, так что ждём вас.

В субботу я кончу работать часов в 12 дня. Если ты приедешь пораньше, погуляешь. Сегодня пойду, посмотрю одну комнату в Орехово, у Дома Советов. Разрешал проблему мебелировки. Надо перебрать стол и подремонтировать матрац. Всё сделаем в июне. В августе будет комната.

Жму лапку, целую, снова жму лапку, и снова целую.
Твой Толька.

Приготовил тебе чудесный подарок. Приедешь, узнаешь.

Подарком оказалась кофточка – шерстяная, с коротким рукавом, но в те времена очень модная.

Толя сказал, что эту кофточку принёс его отец и

предложил Толику подарить её мне.

ТОЛИЧЕК, МИЛЫЙ, ЗДРАВСТВУЙ!

Всё хорошо, что хорошо кончается. Всё кончилось хорошо. И чернила в ручке тоже кончаются. Постараюсь дать коротко информацию о том, как доехала: до 6–15 утра болтали с мамой, вернее, я слушала из её жизни воспоминания. Доехали весело с ребятами, которые у нас на практике здесь.

Папа со вчерашнего дня в Москве. Ждём с гостинцами – мы все сладёны. Значит, он не беспокоился, почему я не приехала. Бабушке я сказала, что была в институте на вечере, посвящённому отъезду Валиного курса на целину. На работу явилась сейчас же, после объяснений дома. Прораб не сделал даже замечания. Работу наладила. Всё хорошо, ... что хорошо кончается. Только хочется немного спать.

У Бориса прошёл выпускной вечер хорошо. Мы с ним немного поругались. Ничего, образуется.

Теперь насчёт Москвы. Толя, давай рассуждать здраво и трезво.

В субботу едем? Мы, ведь, договорились с Юлей и Геней. Помнишь?

Только обязательно напиши, или позвони папе – как насчёт Москвы решишь – чтобы в случае, если ты будешь работать в воскресенье, мы с Борисом напрасно в Москву, вернее, в Орехово не ехали.

Я без тебя не поеду в Москву. Ясно?

Сегодня идёт дождь. Дома ели клубнику, почти, как у Юли. Как уехала Валя? Когда увидимся, если не поедем в Москву?

Сейчас я уже очень хочу спать. Действует обстановка: дождь и т. д. И ещё, о чём я хотела написать. Толя, ты обижаться в праве, но и я права. Пойми. Это же очень страшно и до ужаса стыдно. Так что, уж, пожалуйста, до сентября не нужно даже вспоминать об этом. Ясно?

Помни, что люблю бесконечно – твоя ИРА.

Я дома уже сказала о том, что свадьбы не будет. Они одобрили. Это значит, что и с нашей стороны будет меньше затрат. А это хорошо, так как мне очень нужно пальто. Кстати, сегодня хожу весь день в модных, тёмно-коричневых, до черноты чулках. Хочешь, в Москву в них поеду?

Ну, что ещё тебе написать? Кажется, у нас с тобой неясных вопросов нет?

Всем знакомым привет, особенно – Гене. Мама пусть не болеет. Папа к вам не поедет – мой папа.

Мне всё время кажется, что я забыла написать что-то очень важное, но что, никак не вспомню.

Ещё два месяца. Как долго. Правда? Плохо, что такая плохая погода – очень скучно. Целую.

Твоя Ира

Дальше в письме – куча всяких маленьких приписок...

А чего ты говоришь неправду? Я тебе посвящала же

стихи, помнишь начало:

Я думаю о тебе. Доволен?
Пишу для тебя. Прекрасно!
Равноправие, любовь и воля —
– Девиз нашей жизни – Ясно?

Скажи Кате, чтобы она взяла у девочек письма для меня и отдала тебе, а ты перешлешь их мне, или передашь.

Толя! Отдай Владьке книгу. Прочитай фельетон. Напиши мне письмо, и в сентябре не забудь напоить меня пьяной, а то... Кстати – да – я никогда не скажу.

Привезти тебе учебник стенографии?

Ich liebe sehr dich. Warumst du? Oder nein? Verscheist du mich?

Я тебя спрашиваю. А ты молчишь. Эгоист.

Целую – Ира

МИЛАЯ ИРА!

Позвони, где мы встретимся в Шатуре, Орехово или Москве. Откровенно говоря, мне не импонирует возможность провести воскресенье в Москве вместе с Ю. и Г. Ну их к Аллаху!

Я страшно скучаю. Если бы ты испытывала это чувство как я, то от хвалёного эгоизма моей супруги не осталось бы следа.

В Орехово всё сыро и бледно. Не унывай, в конце

августа мы будем, наконец, вместе. Это, разумеется самое главное.

Валька едет на целину числа 15-го. Жду твоего звонка от 9 до 4-х вечера каждый день, до субботы. Привет всем родным и знакомым.

Ира, извини за лаконичность – тороплюсь на работу, которой у меня сейчас до дьявола (заккрытие нарядов).
КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ИРУ – Толя

Ира, в субботу жду! Люблю! Больше жизни люблю! Если не приедешь – развод... Всё!
Анатолій.

Если бы было так просто окончить всё разом, что уже сплелось в запутанный клубок отношений – моя роль, моя ложь. искусственное затягивание времени наших встреч и не знание – как поступить дальше? И Толю жалко... Ведь, по сути – я издевалась над его чувствами, которые вызвала по отношению ко мне не специально, но безответственно.

МИЛАЯ МОЯ ПРОЧКА!

Я уж лучше помолчу о любви – хочу сохранить её для тебя цельной и не испачканной красивыми словами. По – моему ты не права, говоря, что не знаешь, как добиться своей цели. Ты знаешь, и уж, конечно, нам с тобой по дороге не только в жизни, но и в учёбе.

Будет очень трудно, но, тем не менее, весной 57-го мы вместе будем сдавать на факультет журналистики. И уж наверняка, уж вдвоём-то мы как-нибудь «обманем мир».

Приеду в субботу вечером и отквитаюсь с лихвой за три (всего только три) поцелуя на бумаге.

Вальке фельетон нравится. Мне – нет. Привезу. Скажи Борису: как только стану богатым – подарю ему электрический орган – пусть его музицирует. Но предупреди, что это относится к тем отдалённым временам, когда я перестану носить чужие тенниски.

В отношении запроектированной третьей свадьбы – ничего определённого сказать не могу, разве что, поделюсь с тобой впечатлением: Надя, на первый взгляд – очень обаятельный человек.

То, что бич семейства, Л. П. изменила тактику, надо только приветствовать, вместе с тем, хладнокровно не веря этому.

По-немецки писать любимому человеку, согласись, не возможно, если и по-русски не найдёшь слов. Боюсь, что не дотяну до 10-го тоста на нашей свадьбе. Мы смоемся после третьего, идёт, милая?

Ирочка, эта казнь египетская будет длиться ещё 2,5 месяца, не унывай, ведь вместе мучаемся, это легче.

Привет бабушке твоему отцу – В. В. Поклон Б. В. Целую (можно?) И. В.

Все наши передают приветы. Прими их благосклонно.

Люблю бесконечно Иру, слышишь? Бесконечно!!!
Твой Толька.

ТОЛИЧЕК, МИЛЫЙ ЗДРАВСТВУЙ!

ТОВАРИЩ МУЖ, БУДТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

Это письмо – крах всему прошлому. Я решила вот что: при первой возможности – зависит от тебя, перевестись на практику в Орехово. Это – раз.

Второе – прошу тебя достать у кого-нибудь, может быть, через Валю или Владика: – Бернс, перевод Маршака, кажется – «Королева». Просил Выюшков (руководитель драмкружка) для меня.

Сегодня среда, вечер. Борис поехал, наконец, спускать лодку. Мы: папа, я и Надя идём на эстрадный концерт с участием Ляли чёрной.

Тебя, вероятно, интересует – чем вызвано моё первое решение? Я много думала, и есть не одно за и против. За – мы будем вместе. Против: 1. Затруднение с квартирой; 2. На два месяца раньше перестанем экономить деньги (ведь, сейчас они идут на другое) – это значит, что папа купит мне пальто (обязательно нужно), хорошее, не сейчас, а к сентябрю.

Я не знаю, что ещё, только реально всё-таки – сентябрь.

Это – рассудок...

Но лето! Я сижу всё время дома. Материальных трудностей я не боюсь, и очень скучаю.

Июль – это сердце...

Всё зависит от тебя. А сейчас спешу опустить это письмо, а то ещё немного, и я порву его, ибо рассудок переубедит сердце.

Р. S. Утро. Пишу на работе. Рабочих по – прежнему мало. Как видишь, письмо вчера не отослала. Значит, сердце победило ум (если он у меня есть). Утром, только сейчас притаскивала папашу полюбоваться на мой объект. Сегодня он пойдёт к Петрову, и меня: или поставят на хорошую практику, а не на застывший дом, или я буду просто «студентом на практике» в полном смысле этого слова, т. е. не будут писать фиктивных нарядов (нам оплачивают, как рабочим), а просто часа по 2 буду шататься на стройке, а потом загорать, или дома бездельничать.

Но, скорее всего, меня переведут на хорошее место. И уж, почти что точно, что всё-таки приеду к тебе в сентябре.

Я бы была очень рада услышать, что во вторник ты прочитаешь всё-таки свой фельетон, и потом напишешь об оценке, которую даст тебе литобъединение.

Р. S. Пишу часом позже. Ходила в производственный отдел подписывать наряды. Видела папу. Он был у главного инженера. Последний вчера меня отругал, а папе сейчас расхвалил. Кому верить? Чему верить? Каким его словам? Оставляют здесь. Дали ещё одного каменщика. Всего ещё только 7 рабочих.

Толичек! Не нужно, не узнавай о практике. Я не уеду отсюда до сентября, т. к. нужно готовиться к фестивалю, выступить в воскресенье, сосватать Надю с папой. Они друг другу нравятся. Она, кажется, согласна на всё. Но папа, хоть и увлечён немного, размышляет: если он уйдёт, бросит квартиру, новая работа, частная комната и т. д. Её он не имеет права увозить на всё такое... Борис поступит в наш техникум. Я уеду из дома. А он один с бабусей. Всегда легче устроится где угодно.

Лодку Борис спустил. Она разохлась немного на жаре и течёт. Дня через три её прогудронят и можно будет кататься.

Толик, значит, договорились, до сентября. А начало письма – это просто прими, как лишнее доказательство, что я без тебя жить не могу. Вот это любовь, я понимаю, а то, что ты любишь... Я шучу, конечно.

Вчера концерт мне понравился. Но Ляля уж слишком стала стара. Но глаза... огромные, чёрные, горящие, сверкающие белками – цыганские глаза.

Сегодня вечером репетиция.

Значит, приедете в воскресенье – 24-го, на троицу. Да?

Приедете в субботу вечером. Да?

Только напиши точно. Чтобы я вас всех встретила. Толичек! Сделай так, чтобы Валя приехала с жертвой. Честное слово, никто не пожалеет. Я постараюсь. Мы на целый день уедем на лодке. Посоветуй пригласить ещё кого-нибудь. Я могу позвать своих хороших товарищей – Женю Гуреева с аккордеоном, Володю Белова и др.

Тогда будет настоящий пикник. Возьмём аккордеон, волейбольный мяч. Или поедем только мы: я, ты, Валя, Василий, Виктор, Борис и Генка. Или организовать ту же самую компанию? Как бы ты хотел?

Кстати, может быть, приедешь в пятницу? Нужно книги разобрать?! Вообще, напиши, чтобы я могла тебя встретить.

Толя! Хочешь поупражняться? Давай писать письма друг другу на немецком языке, переводя, находить ошибки. Это будет очень полезно. Как обычно, всем, всем пламенный привет. Целую.

Твоя Ира.

Знаешь, вчера впереди меня сидела молодая парочка. Может быть, молодожёны. Может быть, просто влюблённые. А рядом со мной, сидел её отец. Я сидела и им завидовала, тем более, что сам он, в смысле – влюблённый, мне очень понравился. Они сидели, ворковали, словно голуби. Отец любовался, видно, ими. И уж концерт, во всяком случае, не существовал для них.

Ну ладно, мы будем разумнее, и, заплатив за билет, всегда будем отдавать должное сцене. Эгоисты... Целую.

Твоя Ира.

Написала всем своим бывшим поклонникам письма, сегодня отошлю...

Р. S. Обед. Папа принёс потрясающую новость. Л. П., в смысле – мачеха, везде ходит и говорит одно, что

лучше нашей семьи никого нет, что она любит всех нас, готова пожертвовать всем-всем ради нас, что мы не люди, а золото. И это всё после грязных сплетен, интриг, провокаций, суда и т. д... До чего?! Целую.

Твоя Ира.

(Третий раз твоя в одном письме).

Р. S. Дописываю на почте. Пиши больше. Как Валя сдала экзамены? Толя! Папа говорит, что если он до осени уедет из Шатуры, то нужно будет воспользоваться машиной (я, ведь, вещи буду так или иначе перевозить на машине). Можно будет захватить в Орехово и лодку. Я смеялась от души. Вот будет картинка. Не имея велосипеда, мы всё же будем иногда пользоваться собственным «транспортом» – лодкой. Ура!

Толя! Вчера вечером слушала и не дослушала (заснула) – «Свадьбу» Чехова по радио. Там, поздравляя жениха и невесту после каждого тоста кричали – УРА! Это же здорово. После приблизительно, десятого тоста, под громкие крики – УРА! – на свадьбе мы сломаемся и представим гостей самих себе. Все останутся довольны.

Толя! Я почему-то боюсь свадьбы.

Твоя Ира.

Первый раз у меня вырвалась фраза – "Я почему-то боюсь свадьбы"... Я боялась не только свадьбы. Я боялась физического сближения с непонятным для меня определением – "супружеская постель". Кроме

поцелуев с мальчиками и потом – с юношами, у меня даже мысль никогда не приходила о чём-то большем. Я не знаю, как так получилось моей бабушке воспитать меня в духе "физической чистоты в интимных вопросах." Это было внушение на уровне подсознания, наверное. Она смогла передать мне некоторые правила поведения и морали, которым подчинялась всю жизнь. В этих вопросах у меня в мозгах была пустота – белое пятно. Я просто знала, что нельзя допускать близость с мужчиной до официальной регистрации брака., хотя не представляла – что это означает. Я знала, что нельзя иметь до брачных детей. Хотя о будущих детях тоже никогда не задумывалась. Я бросалась словами – Люблю, свадьба и т. д., но за ними ничего не стояло. Может быть, я так легко и врала, потому что продолжая играть придуманную мной же роль, и ничего не видела за произносимыми словами? Я пробовала оттянуть время наших встреч до сентября... А что будет дальше? На что я рассчитывала? А пока я продолжала врать...

ТОЛЯ, МИЛЫЙ, ЗДРАВСТВУЙ!

Скажи, права я была? Ты знаешь, в чём. У меня страшно болит голова все эти вечера, так что ничего не делаю, читаю, сплю, и даже не выпиваю. У меня к тебе просьба: передай Кате записку, а она в свою очередь, пусть передаст в учебную часть ещё одну записку.

Не обижайся, если не приеду в субботу или

воскресенье. Нет настроения. Вообще, лучше нам не встречаться до сентября. Так лучше.

Обещают хорошую погоду в скором будущем. Впрочем, может быть, и приеду. Время покажет.

Толичек! Ещё раз спасибо за кофточку. Она мне понравилась. Это я тогда так уж просто... вредный характер, вот и всё.

Привет папе, маме, Валюше, Виктору, Юле и Геннадиию. Пиши, как у них? А меня не слушай. Я всего за этот месяц ходила два раза на танцы и раза три в кино, и то с папой. Комнату снимать рано, но узнавать пора, т. к. к сентябрю приедут учащиеся техникумов, тогда будет труднее найти.

Сейчас просто нужно узнать, договориться. Понимаешь? Учти, что комнату лучше всего снимать через кого-нибудь, а потом уже договариваться самому. Ясно? Если можно будет, я бы хотела, чтобы комната была отдельно от хозяев, как у Юли с В., и приблизительно, такая же.

Теперь вот ещё что. Обычно, большинство хозяев сдают комнату со своей обстановкой, ну просто она им не нужна в настоящее время, а убрать её некуда, т. к. в большинстве случаев комнатки сдают старушки, которые уходят жить к своим детям, дабы с целью воспитывать и нянчить внучат. Так вот, если будешь снимать с мебелью комнату, что не желательно (лучше сразу плохое, да своё, чем чужое). Пронадеясь на чужое, со временем, например, получив комнату, мы останемся у разбитого корыта. Ну, во всяком случае, постарайся,

чтобы из крупных вещей всё было вынесено, по возможности, а из мелких, чтобы и духу не было, ничего. Ясно? Видимо, комнату снимешь в Зуево.

Теперь, т. к. ты будешь до сентября (числа с 20-го августа) заниматься устройством нашей «хаверы» или «вигвама», как хочешь называй, прими во внимание следующее.

С хозяйкой будешь заключать договор за её и твоей подписью – официальность, благодаря которой мы при любых недоразумениях не окажемся на улице. Договор будешь заключать на год. Вероятно, меньше нам и не придётся жить там.

Знаешь, какой будет комната – не знаю, но не исключена возможность, что придётся побелить, оклеить обоями, и возможно, покрасить полы. Учти, жить нам придётся и не месяц, А год, может быть, и больше. Если в комнате будет подпол, проветришь недельку, пусть будет открыт.

Я пишу на всякий случай. Вдруг, забудешь? Кстати, пишу я исходя из своего маленького опыта и наблюдений. Может быть, в моих указаниях и советах что-нибудь не соответствует житейским правилам, так тебе есть, кому подсказать, спросишь у мамы и отца.

Потом, Толя, как раз к сентябрю, нужно будет купить 2–3 цветка, чтобы не везти отсюда. Покупать нужно многолетние: душистую герань, простую герань, маленькую пальмочку, или фикус, розу. Вероятно, их можно купить в аранжерее, в Орехово, или на рынке. Если ты это сделаешь, то очень обяжешь меня. Тогда

мне не придётся покупать цветы самой, экономя на твоих папиросах и завтраках.

Заранее достань сибирского котёнка или кошечку, только воспитанную. Это избавит тебя от присутствия в комнате уличных кошек. С собакой пока подождём.

Толя! Меня интересует ещё одно. Я себе числа 25-го куплю пальто. У меня будет. А у тебя всё есть? Зимнее пальто есть? А то, уж раз решили свадьбу не справлять, так ты приобрёл бы себе всё, что тебе нужно.

Пришла Люся. Пойду в магазин за хлебом. Кстати, опущу письмо, потому кончаю. Привет всем. Целую.
Твоя ИРА.

Напиши письмо обязательно.

ТОЛЯ!

Если мы действительно – не поедем в Москву, что не обязательно, но желательно, т. к. едут Борис, Юля, Гена, я... и ты. То напиши заранее, до воскресенья, тогда я не поеду. А без меня, вероятно, не поедет Борис. Он и так уже, из-за того, чтобы ехать всем вместе, пропустил уже одно воскресенье. Ведь, он должен уже заявление куда-нибудь подать. Привет всем.

Ц. Т. И.

Как тоскливо – прошел ещё только один месяц.
Любящая тебя бесконечно – Твоя Ира.

Толя, конечно, ничего не мог поделать против моего решения – не жить вместе до сентября. А я, хотя и писала «нежные» письма, не собиралась торопить этот момент сближения. А честно, я даже не думала об этом.

Однажды я приехала в Орехово, не ставя его в известность, так как должна была сдать в очередной раз кровь. А об этом я никому не рассказывала. Кстати, на приёме у гинеколога, доктор сначала смотрит в паспорт, так и на этот раз, доктор посмотрела, и говорит – «ложитесь в кресло». Провела осмотр и удивилась... Я говорю, что с мужем пока не живу. Она пожала плечами...

Остановилась я в общежитии. Это было всегда возможно. Во-первых, меня все знали – и комендант и уборщицы, а во-вторых, у многих практика была в Орехово, и они летом тоже жили в общежитии.

В этот раз я встретила с девочкой с нашего курса. Она проходила практику на стройке, где прорабом работал мой Толик. Она поспешила рассказать, что на той же стройке работает девушка – Нина. Она давно и упорно бегаёт за Толиком. В общем, они вроде бы, как друзья. Когда Толя женился, Нина долго расстраивалась, плакала. Но, когда узнала, что мы, молодожены, живём врозь, ухватилась за это, как за соломинку. Она стала навязывать ему своё присутствие, старалась вместе с ним уходить с работы вечером, и идти с ним «по пути» до самого его дома. Наши отношения, конечно, были для него, не то, чтобы унижительны, а, скорее – болез-

ненными. Ему нужно было кому-то пожаловаться, выговориться. Домашним он не жаловался. А Нина сама вызывала его на откровенность. Он стал ей изливать душу, рассказывать о наших отношениях. Дальше душеспасительных бесед у них дело не пошло. Но для посторонних людей очевиден был факт – их часто видят вместе после работы...

Когда мне это всё «вылили на голову», в первое мгновение, на уровне подсознания сверкнула мысль – «Вот она – причина, за которую можно уцепиться, обыграть её, и сбежать из оков этого законного брака».

В следующий момент меня охватила ревность. Да как он посмел! Это при мне-то, и уделять внимание кому-то ещё!...

Сдав кровь, я уехала в Шатуру, а оттуда написала Толику письмо, в котором изложила ему всё, что о нём думаю. Он сразу же позвонил мне, стал оправдываться, но я была неумолимой, рассерженной, возмущённой. Я обвиняла его во всех смертных грехах, называла обманщиком, чудовищем и т. д. Написала ему письмо. Он сказал, что нужно встретиться.

Я приехала в Орехово, и уже там написала ему письмо.

ТОЛЯ!

Кричи – УРА! Хватит, больше унижаться я не желаю. Я согласна после декабря на развод. Это расчет.

Ужас! Я совсем забыла грамматику. Расчет – два

«С», или одно? Кажется, два?

Я знаю, пройдёт год, ты не поступишь в институт, поймёшь, что твой поступок не достоин меня и ты сам тоже.

Ты придёшь. Но пойми, будет поздно. Время покажет. А теперь я обещаю, о любви ни слова. Хватит.

Ты знаешь, разумом я поняла, насколько подло ты поступил. Сердцем – нет. Но это пройдёт. Во всяком случае, я больше тебя не уважаю. В сентябре приедут студенты, а до сентября иногда заходи, когда хочешь, мне кое-что будет нужно сделать, ты поможешь. Не беспокойся. Страшное позади. Раз нет уважения, не будет ничего для тебя от моей любви. Ты не достоин её. Почти все вечера буду проводить в драмкружке, так что, ты, вероятно, не будешь даже заставить меня дома.

Но всё-таки, первое – занеси мне, пожалуйста, перочинный нож, а то я всю вилку сломала, и хлеб ломаю. Красиво? Потом я верну, когда привезу из дома.

И ещё будет одна просьба. Сможет ли мама твоя одолжить мне до сентября одну вещь? Я даже не решаюсь писать о ней. Мне очень нужно. Я тебе скажу, что мне нужно.

Письмо ты получишь во вторник, зайти ко мне в среду, в 7 часов вечера, долго я тебя не задержу.

Если ты мне не поможешь насчёт кое-какого устройства (я скажу), даю слово, заявлюсь с вещами к вам, и буду жить до сентября на правах жены, ненавидя тебя.

И ещё раз прошу, не беспокойся, между нами,

действительно, всё. Но ты обязан кое о чём позаботиться, о чём, я скажу.

О, Боже! Кляксы, но мне не хочется переписывать. Для кого? Я начинаю ненавидеть тебя.

Хотела написать – подлец! Но я хочу быть выше этого.

До среды. В крайнем случае, нож пришлешь с Витей, а сам позвони в 7. Я скажу, что мне нужно попросить у вас.

Немного погодя, я прочитаю тебе мой новый рассказ. С твоим мнением я ещё немножко считаюсь. Советую тебе прочитать мне свой фельетон. Из меня критик лучше получается, чем писатель. Советую больше заниматься и писать. Нажимай на грамматику и немецкий. Ещё раз говорю, я переломила в себе себя. И теперь (я знаю, что поздно будет), ты пожалеешь, и захочешь вернуть прошлое. Бесполезно. Я знаю, теперь уже всё, поздно.

До среды.

Степанова Ира.

Мы встретились на нейтральной территории. Он долго оправдывался. Но, в какой-то момент сломался, сдался под напором моих упрёков. Он был всё-таки умным человеком, и, вероятно понял, что дело не в нём.

Когда он замолчал, я стала выговаривать ему, что он обманул мои надежды, что он не любит меня, и только я... В этот момент он и сказал – «Если ты меня всё-таки любишь,

как говоришь, пойдём к нам домой, и с этой минуты будем жить вместе». Это называется – «Мат в три хода». Отступить было некуда. Я сказала, что согласна...

И мы пошли к нему домой. Валя окончила институт, и уехала работать на Алтай. Вити тоже не было. Мама с папой поужинали с нами, и нам постелили постель во второй комнате. Первая – большая была проходной и служила столовой и спальней для родителей.

А дальше была ночь, о которой я никогда никому не рассказывала. Я, ведь, не представляла вообще, что представляет собой физиология мужчины, и близкие отношения между мужчиной и женщиной. Даже сейчас удивляюсь, как я смогла дожить до 21-го года, и остаться такой тёмной в этих вопросах.

Короче, мы вместе легли в постель. Когда я почувствовала рядом что-то мягкое, и в то же время упругое, и Толя обнял меня своими крепкими руками, меня охватил такой неопи-сваемый ужас, и мне стало всё происходящее таким против-ным...

Не знаю, откуда у меня взялись силы, я буквально при-подняла его, и скинула с себя с грохотом на пол. А он тоже «озверел», но не от ужаса и отвращения к происходящему, а от упрямого желания овладеть мною. Я много раз скидывала его на пол. Он упрямо возвращался в постель. Мне потом всю жизнь было стыдно вспоминать, и представлять, что ду-мали в это время его родители...

В какой-то момент у меня мелькнула мысль. А чего, собственно, я капризничаю? Ведь, наверное, так оно и должно быть. Когда-то надо познать, решиться...

И в какой-то момент, я решила – пусть так оно и будет, ослабела и, как говорила нам не раз гинеколог, раздвинула ножки. Это был всего лишь миг. И не было больно, как рассказывают иногда в фильмах и книгах. А муж мой, почувствовав, что я сдалась, тоже замер и затих. Он даже не понял, что овладел мной. Правда, на простыни остались пятна, но что было потом, я не знаю.

Светало. Я, молча встала, оделась. Мне было ужасно стыдно. Я не представляла, до чего этот акт неприятен. Я ушла с чувством стыда и даже омерзения к тому, что произошло.

Погуляла по рассветному городу, а потом пошла в общежитие. Легла на койку и ревела, ревела. Ревела от злости на себя, на Анатолия. Много лет спустя я, вспоминая этот момент, думала, а он-то что же, не нашел подход, не уговаривал, а полез, как грубый мужик.

Двое суток я провалялась, не вставая с постели, а потом поехала домой. Мне не хотелось выглядеть брошенной, как мог кто-нибудь подумать.

Основная моя версия была та, что, пока я летом была на практике, в Шатуре, он изменил мне с другой. Интересно, что он ни разу больше не оправдывался, всё воспринимал молча, как мудрый и умный человек.

Приехав в Шатуру, я написала ему письмо, и в то же вре-

мя почувствовала облегчение, что вся история и выдумка с замужеством приближается к концу.

Кстати, когда я в очередной раз, перед сдачей крови пришла к гинекологу, она, запомнив меня, спросила – «Ну, а теперь куда? На кресло или на кушетку?» я говорю – «Да у меня было всего один раз»... Она засмеялась, а потом сказала – «Поздравляю, Вы стали женщиной»...

3.08.56 г.

ТОЛЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Я только сейчас тебе звонила. Нового я тебе не скажу ничего. О нашем разрыве дома знают.

Первое, что я хотела сделать после телефонного разговора – выпить мышьяк, но ты был прав, я оказалась благоразумнее, и что я сделала – рассказала всё дома.

Этим письмом я не унижаю себя, т. к. я жена, а жена имеет право даже на унижения, тем более, что я во многом виновата сама.

Я постараюсь кратко обо всём. Я люблю тебя, и ты этому веришь. Где бы я ни была, напиши, если передумаешь, и я сейчас же приеду. Если бы ты сейчас сказал хоть слово, я бы осталась. Я навсегда твоя. Помни это.

Но сейчас обещаю, что больше надоедать тебе своей любовью не буду. Ты сам хотел, чтобы мы остались друзьями.

Если ты не против, так давай переписываться, как

друзья и только. Это будут не надоедливые письма, нет. Понимаешь, ведь не настолько я тебе внушила отвращение к себе, чтобы тебе была противной даже наша дружба и переписка. Если я, действительно, сильно виновата, прости меня, и, если не возможно вернуть прошедшее, не будем больше возвращаться к нему. Это слишком больно. Слишком.

Писать можешь мне всё, как другу, ведь, ты веришь в меня, как в друга, правда?

Если у тебя будут сомнения, вопросы, напиши, я, может быть, смогу дать тебе совет? А теперь всё. Я своим хладнокровием заставила примириться с случившимся.

С этой минуты мы только друзья.

Прощай, мой любимый, дорогой Толечек.

Твоя навсегда – Ира.

Толя больше мне не отвечал на мои глупые послания о дружбе. От него пришло лишь коротенькое письмо.

ИРА!

Необходимо расписку о получении повестки вернуть в 4-ый участок не ранее 14–15 числа.

Со своей стороны прошу тебя о встрече 15-го, чтобы договориться о наиболее эффективной развязке.

С дружеским приветом – Толя.

А в следующем письме была повестка в суд.

ПОВЕСТКА № 313

Вручается
расписку _____

под

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД
Шатура, Советская ул. Дом 3, кв. 2
Гейбер И. В.

Вызывает Вас в качестве ответчика

В 10 час. 18.08.56 г.

По делу О РАЗВОДЕ

Суд прошел спокойно, быстро. Меня спросили о причине. Я сказала, что когда я уезжала в Шатуру, Толя сблизился с другой девушкой и мы решили расстаться.

Толя сказал, что поскольку мы не начали жить совместно, он не хочет оправдываться, и согласен на развод. Мы вышли из суда и разошлись в разные стороны навсегда.

Мне не хотелось выглядеть свиньёй перед его родными, и я написала письмо его сестрёнке Вале. Она была потрясена случившимся и у меня сохранились два её письма.

20.08.56.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Твоё второе письмо задержалось, и я ответила на Пищалкино, а теперь спешу ответить на твоё второе письмо.

Я могу сказать обо всём, что произошло, только одно: всё это чепуха.

Просто Тольке надоело без конца тебя упрашивать, а его мужское самолюбие, безусловно, страдало от того, что его собственная жена не хочет уступить ему в столь важном вопросе жизни, и он решил клин вышибить клином. То есть проучить тебя. Это моё предположение, но оно весьма правдоподобно, и отчаиваться совершенно не от чего. У страха глаза велики.

А ты ведёшь себя молодцом, и так и держись, как ты думаешь. А Толька совершенный дурак, чтобы не любя жениться, а через месяца требовать развода. Помяни моё слово, всё будет хорошо, тем более, что надо принять во внимание, ты порядком его извела своим упрямством. Что бы там ни было, что бы он тебе не говорил, я глубоко верю в то, что в нём бродит оскорблённое мужское самолюбие. И я просто жалею, что ты не уехала в Пищалкино. Вдалеке друг от друга вы одумались бы оба – ты от отчаяния, он от дури. В любом случае поводов в злоупотреблении мышьяком и для страха я не вижу. Хочу верить, что возьмёшь себя в руки. Прошу тебя, держись так же уверенно, как и

раньше, и всё будет в порядке. Выше голову.

Жму руку – Валя.

ИРУСЯ, ДОРОГАЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Я не знаю, чем можно утешить тебя, не знаю, что тебе посоветовать в создавшемся положении, а дружба без возможности помочь – это не дружба.

Но, в любом случае, где бы далеко я не была, ты можешь рассчитывать на самое тёплое сочувствие и глубокое понимание.

Мне очень тяжело, что Толька оказался подлецом, что так странно мог поступить с тобой и со всеми нами. Я просто не могу до сих пор понять, что же толкнуло его на женитьбу, а потом на развод, если он не любил. Всё это мне казалось затянувшейся и глупой шуткой.

Но твоё последнее письмо не оставило сомнений. Если бы я была на твоём месте, отчаяние моё было бы так же велико. Но, Ирочка, нет безвыходных положений, как нет в жизни одного сплошного несчастья. Ты помни об этом даже в самые чёрные дни. И помни, что на свете много хороших людей. Что, если один негодяй сумел испортить тебе мнение о них, то всё равно верь, что хороших людей значительно больше.

Здесь, вдалеке, я не нахожу себе места, потому что, всё время помню об этой об катастрофе дома.

Если бы были крылья, прилетела бы. Но вряд ли сумела изменить что-нибудь. После твоего первого

письма я поняла, что мама сляжет от всего этого. Подлец он, даже о матери не подумал.

Я только не могу понять одного – откуда такая пропасть эгоизма у него? До свидания, Ира, и помни, что моя рука – рука друга.

Валя.

Так окончилась моя история с замужеством.

Когда мы виделись с Толей в последний раз, я отдала ему все его письма (предварительно переписав себе на память), а он мне вернул мои. Таким образом, мне удалось здесь привести всю нашу, не очень большую, переписку.

В настоящее время, муж Стэллы – Саша часто шутит по поводу того, что некоторые поступки мои напоминают еврейские. Он так и говорит, после каких-нибудь наших шуточек или поступков – «А ещё говорите, что вы не евреи».

А Ёлка его подзуживает – «Конечно, евреи». А я добавляю – «Да это у нас родня есть еврейских кровей, и то – полуевреи»...

А вот сейчас я думаю – а зачем Судьба свела меня с Толей Гейбер? Мать у него – русская, а отец – еврей. Он в паспорте русский. Когда мы расписывались, он даже предложил мне, что возьмёт мою фамилию – Степанов. Я тогда не задумывалась на эти темы, каково быть и жить под фамилией Гейбер. И сама настояла на том, что возьму его фамилию. Правда, паспорт я не успела поменять, а потом уже, после развода и

менять не нужно было. Правда в паспорте теперь стояло две печати: регистрация о браке, и о разводе.

Так вот, я теперь думаю, может быть, Бог специально так построил мою судьбу, чтобы первым моим мужчиной стал полу еврей? Да вообще, нужно покопаться в родословной. Я шучу...

Но помню такой разговор. Однажды в Дзержинку приехали к нам мои родственники одновременно Вика Мейстрик и Светлана Фирсова (внучка А. А. Мейстрика). Ну, так совпало. Сидели они на диване в квартире мамы и спорили. Света перед этим съездила по туристической путёвке в Чехословакию. Ей хотелось отыскать нашу родню, или что-нибудь узнать о предках. Она даже обратилась в местный Совет. Но ей там ответили, что у них, почитай, в каждом втором доме живут Мейстрики. А Вика пошутила – «А, может быть, Мейстриковичи?». Ну, да ладно. Какая теперь разница – кто они были – Мейстрики, Варсобины, Степановы. Если покопаться, так в каждом из нас намешано много всякой разной крови, и у всех, в первую очередь – татарской

Часть 3

Преддипломная практика

1956 год

Когда я проходила зимнюю практику, я мучилась оттого, что на морозе у меня всё время слезились глаза.

У меня с детства была предрасположенность к близорукости. С годами она развилась до – 7 диоптрий, в те годы была порядка 5-и.

Меня заинтересовали новые достижения в оптике – линзы, заменяющие очки. Я написала на телевидение о том, что видела в одной из программ рассказ о линзах, заменяющих очки, и получила ответ.

Письмо в г. Шатура, Советская ул. Дом 3, кв.2.

Обратный адрес: Москва, К-91, Путиновский, 2. Госкомитет по РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР.

УВАЖАЕМАЯ тов. СТЕПАНОВА!

Близорукость – это состояние глаза, при которой лишь ближайшие предметы чётко отображаются на

сетчатой оболочке глаза.

Если учащийся начинает при чтении сильно приближать книгу к глазам, пишет, склоняясь к самой тетради, – у него можно заподозрить возникновение близорукости.

При чтении книги, находящейся на обычном расстоянии, изображение букв не попадает на сетчатку глаза близорукого и оказывается расплывчатым, туманным. ПРИ ПОМОЩИ ОЧКОВ ЭТОТ НЕДОЧЁТ ГЛАЗ УСТРАНЯЕТСЯ, БЛИЗОРУКИЙ НАЧИНАЕТ ХОРОШО ВИДЕТЬ, И ПРИ РАБОТЕ НЕ НАПРЯГАЕТ ЗРЕНИЯ. НОШЕНИЕ ОЧКОВ ЗАДЕРЖИВАЕТ РАЗВИТИЕ НАЧАВШЕЙСЯ БЛИЗОРУКОСТИ.

Для предупреждения близорукости, а также для задержки дальнейшего развития близорукости, важно заниматься при достаточном освещении, держать книгу, тетрадь на расстоянии 30–35 см. от глаз, при чтении, письме, черчении, вышивании – делать перерывы.

Забываясь о сохранении зрения подростка, необходимо прибегать к упражнению зрения с целью повышения способности глаза различать и опознавать предметы на различных расстояниях.

Это достигается многими и весьма разнообразными и интересными приёмами, имеющими к тому же воспитательное и общеобразовательное значение. Во время прогулки в сельской местности, или во время экскурсии за город можно выяснить, например, состав виднеющегося стада, состоящего из крупного и мелкого

скота, примерное количество деревьев, установить, что за лес впереди, слева (сосна, ель, берёза).

Для упражнения зрения полезно определить на глаз расстояние до различных предметов – вблизи, вдали, производить простейшие глазомерные съёмки. При прогулках осенью можно взять на себя задание доказать наступление осени, отыскивая вблизи и вдали характерные признаки её (поредевший лес, сжатое поле на горизонте и проч.).

Очень ценны для упражнения зрения такие игры, как волейбол, ловля мяча и других предметов, а также метание в цель мячей, снежков, палок во время игры в городки.

Весьма полезны и крупные наброски с натуры: виды города, полевых работ и проч. В этих занятиях, часто носящих характер соревнования, чрезвычайно важно то, что работа глаза при них отличается от рабочего рассматривания и опознавания букв, знаков на близком расстоянии (чтение, письмо, черчение, вышивание), связанных с напряжением зрения.

ПРИ УСЛОВИИ ЗАБОТЫ О СОХРАНЕНИИ И УПРАЖНЕНИИ ЗРЕНИЯ, МОЖНО НЕ ТОЛЬКО СБЕРЕЧЬ ЗРЕНИЕ, НО И РАЗВИТЬ ЕГО ДО ВОЗМОЖНОГО ПРЕДЕЛА.

Для укрепления глазных нервов и сосудов и вообще зрения рекомендуется, помимо вышеизложенного, употреблять продукты, богатые витамином «А» – молоко и молочные продукты (сливочное масло, рыбий жир, а также препарат витамина «А».

В настоящее время, для людей, нуждающихся в корригирующих стёклах для глаз, изобретены, так называемые «контактные очки».

Они представляют собой стёкла без оправы. Эти стёкла присасываются непосредственно к главному яблоку. Контактные очки удобны, особенно для людей, работающих в условиях низких температур и при спорте.

Если Вы желаете узнать подробней о контактных очках, – напишите в Институт глазных болезней имени Гельмгольца по адресу: Москва, Садовая – Черногрязская ул., всесоюзный институт глазных болезней им. Гельмгольца.

Желаем Вам здоровья и успеха в занятиях.

С ПРИВЕТОМ – Р.Н. ГУРИНА, врач, кандидат медицинских наук.

Но вот уже окончилась и летняя преддипломная практика. Я уже соскучилась по своим девчонкам, хотя, я и получила от них весточки.

ПИСЬМА ОТ НИНОЧКИ МАКАРОВОЙ

Письмо в Шатуру Из Белоруссии – «БССР, Гомельская область, Домановический район, Давыдовский с/с, СУ «Василевичи» Макаровой Нине». 18.06.56 г.

ИРОК, ЗДРАВСТВУЙ!

Шлю тебе огромный привет, и всего самого хорошего в твоей новой жизни!

Ирочка! Ты, наверное, и не ждёшь от меня письма, но я не забыла того, что обещала, а именно, написать. Так вот, опишу по порядку. Уехали мы 1-го июня. На место прибыли 3-го. Доехали хорошо. Только пришлось делать две пересадки.

Приехали на посёлок в воскресенье, начальства не было. Разыскали с Зиной Ф. коменданта, и он нас на одну ночь поселил в молодёжном общежитии. За одну ночь пришлось увидеть многое, и, если бы предложили ночевать ещё, ни за что бы, не осталась. Потом нас хотели поселить в деревне, но мы не согласились, и нам дали комнату небольшую, в клубе. Живём хорошо.

Ирочка, а какая здесь природа замечательная! Когда ехали от Гомеля, то кругом были сады, и они как раз цвели – какая же это прелесть! Проезжали мимо одного сада, который занимает площадь 800 га. И ещё – проезжали через Днепр – какой же он широкий! Вот так.

У нас здесь строительство ведётся только ещё 1 год, а построили уже много, и огромные планы на будущее. Посёлок находится весь в лесу. Недалеко есть деревни и сады. В общем, очень красиво. Всё хорошо, только плохо то, что очень много комаров и мошек, просто,

житья нет.

Ирочка, сейчас времени – часа 2 ночи. Мы ещё не спим: я, Зина Фролова и Галя Ш. Так вот, они просят, чтобы я передала привет. А Зина желает тебе счастья в жизни. Работаем мы на рабочих местах. Я, Зина и Галя – в производственном отделе, а Оля и ещё две девочки – на объекте, а потом поменяемся.

Ирок, пока и всё. Пиши, как проводишь время, кем работаешь?

До свидания. Привет от девочек. Целую.

НИНА.

Р. С. Вчера смотрели кино – «Бессмертный гарнизон».

Пиши, жду.

Нина Макарова.

6.07.56 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГАЯ ИРОЧКА!

С огромным приветом к тебе – НИНА.

Ирок, недавно получила от тебя письмо, за которое большое спасибо! Живём мы хорошо. У нас весело. Каждый день крутим патефон, устраиваем танцы. Иногда ходим в деревню. Сейчас мы работаем в конторе, но скоро пойдём на объекты. На объекты мы, правда, и сейчас ходим, но это всё не то. Ходим на

разбивку зданий.

Недавно ходили в лес за ягодами, набрали много, но ходить здесь в лес страшно, т. к. очень много мин, от которых погибает много народу.

Числа 26-го, я, Оля и Лида ездили в Шацилки (районный посёлок), хотели купить шапочки, но ничего не нашли. Шухарили всю дорогу. Не захотелось до 11 часов ночи ждать поезда, так мы сели на товарный, с тем расчётом, что он на нашей остановке остановится. И что же?! Проезжаем мимо дома с полной скоростью, и так заехали далеко... А оттуда сели на рабочий поезд без билета, и доехали до конечной остановки, не доезжая 8 км. до нас. А потом шли пешком, в 12 часов ночи, да ещё лесом.

Часто ходим в кино. Только фильмы идут здесь все старые, но мы всё-таки ходим, чтобы провести время. Билеты – по 2 рубля. Иногда кино бывает на белорусском языке, так что, мы сидим в это время, и ничего не понимаем. Сейчас, правда, стали привыкать понемногу.

Да, Ирочка, ты спрашиваешь о комбинациях – их здесь нет. До нашего приезда, говорят, было много, а теперь не знаю, когда привезут. Если будут деньги, то, когда привезут, я возьму на тебя, а потом напишу.

В магазине почти ничего нет. Были хорошие туфли по 200 рублей.

Ира, мы послали в техникум письмо, чтобы нам выслали программу и тему дипломного проекта, но нам ничего не отвечают.

Очень хочется поскорее всех увидеть!

Ну, вот пока и всё. Передавай всем, всем знакомым от нас большой привет.

До свидания. С приветом -

Нина.

Пиши, жду.

Пришло письмо от Тони Синельниковой и Клавы Стружковой.

5.06.56 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Ты, вероятно, удивишься, получив наше письмо, но это только сначала. Пишут тебе Тоня Синельникова и Клава Стружкова из Ярославской области Нагорьевского района, с. Ведомша.

Ира, это вместо Шатуры-то. Адрес твой узнали от твоего папы, с которым встреча была для нас неожиданностью, а знаешь, как получилось: мы приехали на работу, нас направили к начальнику участка т. Степанову, и ты представляешь, я его не узнала, хотя и видела его на фотографии. Ну вот, мы и сидим, ждём, пока он к нам обратится, а сами почему-то боялись сказать, что приехали на работу.

Потом он спросил, мы сказали, что кончили техникум Ореховский, тогда он сказал, что вы должны знать мою дочь – Иру Степанову, ну, конечно, знаем,

сказали. Вот так и познакомились с твоим папой. Он нам рассказал, как устроилась, ты, Ира, куда тебя занесло? Но ты не падай духом, смелее берись за дело. А вот мы, хотя в 120 км. от Москвы, но тоже дело дрянь.

Во-первых, живём на частной квартире в 1,5 км. от стройки, строительство новое, столовая плохая, с продуктами не важно. Никуда не ходим, даже в кино. С работой пока неопределённо, поставили пока мастерами с окладом 700 рублей.

Нам не нравится здесь, правда, будущее хорошее у этого предприятия, но сейчас пока плохо. Люди большей частью живут в службах (сарай, оборудованные по жильё, но, между прочим, удобные), да в деревне.

Пиши, как живёшь ты. Имеешь ли с кем-нибудь из наших связь? Если имеешь, то пиши – кто, где и как устроился. Может быть, ты к нам приедешь? А? Пиши нам почаще, не задерживай, хорошо?

Жанна Голикова работает мастером дома. Валимар, Броня и Клава К. приехали с Каменец-Уральского, попали под сокращение штатов. Люся З. вышла замуж, Валя К. была у неё на.....

К сожалению, конца этого письма не сохранилось.

Привела здесь все письма от моих девочек – сокурсниц и забыла написать – о том, как я провела свою преддипломную практику.

На практику я ездила в Шатуру. Отец сделал мне «вызов».

Нам разрешалось не ездить на практику туда, куда посылает техникум. Нужно было только привезти справку о том, что организация согласна принять на временную работу с оплатой...

Практика проходила, как говорится – «Не бей лежачего».

Папа устроил меня мастером по отделке жилого дома. Работала там бригада опытных маляров. Мне оставалось – прогуляться по квартирам, где они работали и, естественно, не делая им замечаний (так как пока ещё сама ничего не знала о практике ведения малярных работ) – посмотреть и поучиться у них этому искусству. Ну и в конце месяца – подписать наряды за выполненную работу. Но и наряды были уже составлены бригадиром маляров. Так что моя практика была отдыхом.

Всё-таки я не наглела, и рабочее время проводила в этом доме. Мне же потом за практику заплатили денежку.

Обычно я находила место, где можно было присесть за стол (иногда импровизированный, самодельный, для обедов работников) и заниматься моим любимым хобби – писанием писем.

Но я всё-таки уже многое знала по строительству самих домов.

А многие девочки, мои сокурсницы до этого вообще не знали, – что представляет собой работа на стройке. Вернулись с практики все с кучей разных впечатлений.

Часть 4

Донор

Когда мы все вернулись с практики в Орехово-Зуево, нам, теперь уже студентам 4-го курса, предоставили общежитие, которое освободилось после выпускников.

С получением общежития жизнь моя и Валюшина изменилась в корне. Не надо было раньше вставать, общежитие было не очень далеко от техникума. Был свой клуб и столовая. Не нужно было питаться всухомятку. Правда, для этого нужны были деньги. Но они у меня в небольшом количестве появились.

В общежитии мы жили в комнате, в которой стояло пять или шесть коек. Поэтому всегда было шумно и весело. Хотя, иногда бывали и ссоры.

Тихо становилось только в выходные дни и на праздники, когда все разъезжались по домам. Я часто оставалась в общежитии одна, да ещё девочка, которая училась на курс младше – Катя Жильцова. Мы с ней сдружились. Она могла часами слушать мои фантазии (именно фантазии, а не философские рассуждения), немного рассказывала о себе. Вместе мы несколько раз ездили в Шатуру, поэтому она была знакома и с бабусей, и с Борькой. В общем, мы как-то сроднились, а Валя Буянова немного отошла в сторону. Нет, нас многое

связывало, но наша дружба будто растворилась в общей атмосфере студенческого коллектива.

Катя – это было что-то совсем другое. Когда её не было рядом, мне её явно не хватало.

В период моей преддипломной практики написала мне письмо в Шатуру и моя милая подружка Катенька Жильцова.

Катя Жильцова

К сожалению, это единственная фотография моей самой

надёжной и любимой подруги – Катеньки. И то мне её пришлось вырезать из общей фотографии, сделанной в гостях у неё вместе с Виктором – в 1965 году.

Виктор много раз мне советовал обратиться в передачу – «Жди меня», чтобы отыскать Катю, с которой у меня оборвалась связь. Я пробовала обращаться в разные адресные столы, писала по адресу её родителей. Ответов не было. Почему я не написала на передачу – «Жди меня» – не понимаю сама.

Очень хотелось бы увидеться, несмотря на разлуку почти в 60 лет.

Письмо в Шатуру из Владимирской области – «Владимирская область, Петушинский район, д. Евдокимцево. Жильцовой Екатерине».

22.06.56 г.

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

Самое первое, прости за молчание, Много раз хотела тебе черкнуть письмецо, но как-то не могла. Да, ведь, ты тоже не баловала меня.

Вот уже две недели, как мы с Ниной дома, это должно быть самое хорошее время – каникулы. Да?

Нет. Ира, я почему-то не люблю каникул вот в такую погоду. На улице не поймёшь что: не то дождь, не то солнце. А я люблю всё бурно спокойное. Уж дождь, так

дождь. Солнце, так, чтобы жгло до ужаса. А ветер? Так пусть дует так, чтобы пыль столбом, и листья летели в открытые окна.

Заболталась? Ира, ведь, у меня на шее сопромат. Какие же к чёрту каникулы?

Боже мой, какая скука и тоска, я даже устала жить, и настроение-то такое вот, как эта погода. Практика прошла хорошо, если не считать того, как нас обманули там с расчётами. А вообще, это было самое хорошее время. Я с удовольствием работала там, и даже немного жаль, что практика так быстро кончилась.

Я там часто видела Толю. Представь себе, что он меня узнал. И мы с ним иногда перебрасывались в автобусе или в машине шутками.

В деревне работы много, но из-за погоды всё стоит на месте.

Ира, ты, ведь, была в Орехово, и даже в общежитии, и не могла придти. Эх, ты! Ладно, Ирочка, прости, что мало пишу. Нет настроения, да и писать-то нечего. Я надеюсь, что ты мне черкнёшь. Да? Ну, вот видишь, и согласилась! Всем дома привет. Нина сидит и говорит – передай привет, если пишешь общим знакомым. Так что, от неё тебе привет.

Мой адрес: – «Владимирская область, Петушинский район, деревня Евдокимцево. Жильцовой».

Целую – Катя.

Наша комната была самая большая в общежитии, и имела две двери – одна входная, а вторая, в другом конце комнаты –

выходила на «чёрную» лестницу. Вход внизу в этом подъезде был закрыт. На лестнице всегда было полутемно.

И вот я заметила, что Катя иногда выходила на эту лестницу, и долго не возвращалась. Мне стало интересно – что она там делает?

Она рассказала, что, оказывается, если подняться по лестнице на этаж выше (а в здании было три этажа), то упрёшься в дверь, которая ведёт на чердак. Небольшой кусок чердака был отгорожен, от основной его части, перегородкой. Получилась малюсенькая комнатка. В ней жила семья – тётя Тоня с дочкой Любой и племянницей Леной. Лена была сиротой, жила с бабушкой, выросла, стала увлекаться мальчишками, бабушка стала часто её ругать за всё подряд, и Лена перебралась в Орехово к тётке. Я уже не помню, почему тётке Тоне разрешали жить в этой коморке. Через наши «апартаменты» она не ходила. У неё были свои ключи от дверей подъезда, который всегда был закрыт, и куда выходила лестница, на которой мы так любили сидеть с Катей. Катя познакомилась с Леной, Любой и тётей Тоней, и именно к ним она уходила иногда в гости.

Познакомила она и меня с ними. Но мне больше понравился таинственный полумрак одинокой и пустой лестницы. Мы часто с Катей стали выходить на эту лестницу, садиться на ступеньки, обхватив руками коленки и болтать, болтать...

Лена продолжала встречаться с молодым человеком – Сашей, из-за которого она уехала от бабушки. Он жил в

Москве. Когда она попала в положение, она переехала к нему жить совсем. Мне пришло от неё письмо.

7.04.56 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Получила от тебя письмо два дня назад и только теперь даю ответ. Буду отвечать на твои вопросы. Мы встретились с моим старым другом, погуляли, и он (я тоже), проводили Аллу домой, потом он проводил меня. Халат я ещё не дала шить (боюсь), но дала им вязать шапочку, и перешить креп-марикеновое платье. Отношения с тётей и бабушкой всё такие же. Только у меня одна новость – Саша приезжает 10-го апреля. Не знаю теперь, что у нас с ним получится.

Конь (прозвище одного нашего студента) мне ещё не написал письмо.

Ирочка, Юрке Словаку скажи, что книга его у Гали Брыксиной (Катя Жильцова её знает), пускай он её возьмёт. Мне даже перед Юркой неудобно. Мне до любви обоих (тёти Тони, да Любы) никакого дела нет. Я говорю правду, и беру только свои вещи. Если им не нравится, то пускай меня не любят, хотя Лена им сделала добра не мало.

Ирочка, ты пишешь о скандалах, я это хорошо знаю, при мне они были каждый день. Кстати, о Кате, какой это у неё Игорь появился? Вот уж девочка! Сама говорила, что никого не любит, и вот тебе,

пожалуйста! Она мне не хочет писать, а мне как-то неудобно надоедать ей своими письмами. О первом мае я ещё ничего не знаю – всё будет зависеть от Саши, что он посоветует. Теперь я не хозяйка положения. Быть может, он уедет к отцу до первого мая, а, если нет, тогда может быть, согласится приехать в Орехово к тётке Тоне, если она будет согласна. Ты спроси у неё. Закуску и выпивку мы привезём (только не слишком много, как на новый год).

Вот и всё, что я хотела написать. Описывай свои новости и настроение, а когда будешь в Москве, позвони мне.

До свидания. Крепко-крепко целую.

Лена.

Но я отклонилась от основной темы.

Однажды Катя сказала мне, что они с тётёй Тоней завтра уйдут, и занятия она пропустит. На все мои приставания – куда они пойдут, она отмалчивалась. Но надо было знать мой характер, как потом некоторые говорили – «Лучше сказать или сделать что-ни будь сразу, а то ты плешь проешь»...

Оказалось, что тётя Катя – заслуженный донор. Она раз в месяц (если точнее, то – 40 или 45 дней), она ходила сдавать кровь. Ей за это платили деньги, кормили бесплатно обедом, и давали справку – освобождение от работы на два дня...

Оказывается, Катя первая уговорила взять её с собой, и вот уже пару раз сдавала кровь. Как вы думаете, что произошло дальше? Правильно! Я уговорила их взять с собой и ме-

ня. Нужно было иметь с собой справку от гинеколога. Ну, это не представляло труда. Нас, девочек осматривали не на смотровом кресле, а на кушетке: – «Ложитесь, раздвиньте ножки, так, так... , вставайте, вот вам справочка».

В первый раз брали только 250 грамм крови, и только в последующие – по 450 грамм. Мне было не столько страшно, сколько любопытно.

Кровь мы сдали. Нас покормили сытным обедом, и даже заставили выпить пол стакана сладкого вина, кажется, кагора. Ни слабости, ни других отклонений я не почувствовала. Правда, нас предупредили, что в этот день лучше полежать в постели. Мы с Катей, вместо занятий в этот день отсыпались.

Мне давали немного денег из дома, получала я и стипендию. Но, поскольку в экономике я была не сильна, да, к тому же была транжирой, денег мне никогда не хватало. А здесь получила на руки (не буду врать сколько, точно не помню), кажется в первый раз сто с чем-то рублей, а в последующие разы, за 450 грамм – триста с чем-то. Искала в интернете цены за кровь в 1956 году – не нашла. Сегодня донорство – бесплатное. За постоянное донорство раз в год вам могут выплатить – 12 т. р.

Естественно, в 1956 году то, что я получала за сданную кровь, для меня было сказочным неожиданным подспорьем. Это были деньги! Деньги, на которые можно было что-то купить. И я почти сразу же отправилась в комиссионный мага-

зин. Я долго примеряла платье, и, наконец, одно, взяв в руки, уже не могла с ним расстаться. Оно было нежно сиреневого цвета. Юбка была вся в плиссе, воротничок – тоже. Рукава – по локоть. Оно мне так понравилось, что я за него заплатила все «красавиные» деньги. Моя неопытность сказалась и здесь. Если гофрированный материал можно было стирать, и мелкие складочки не расходились, то, чтобы постирать плиссированную одежду, нужно было нитками наметать (протестать) каждую складочку. Я этого не знала, и в первую же стирку (а платье я заляпала быстро), плиссе на моей юбке и воротнике разошлось. Пришлось всё прошивать, каждую складочку, потом заглаживать почти до первоначального состояния, затем выдёргивать наметку и т. д. Но платье мне очень нравилось. У меня даже осталась фотография, где я одета в это платье.

Мне так понравилось получать эти деньги, что я однажды летом в Шатуре, находясь то ли на практике, то ли на каникулах, решила сдать кровь и там. У меня этот номер прошёл запросто...

Но дальше – больше. Я решила попробовать сдавать кровь и в Орехово и в Шатуре. И это прошло.

Но недаром даётся период в 45 дней от сдачи до сдачи. Это для того, чтобы кровь могла восстановиться. У меня получился разрыв в 20 дней. Ну раз, ну – два... А где-то в третий раз, я сдавала кровь в Шатуре. После сдачи, нам давали

в руки талончик, и мы шли в больничную столовую обедать. Квиточек о том, что сдали кровь, отдавали в бухгалтерию. После обеда приходили за деньгами. В этот раз я после обеда до бухгалтерии прошла быстрым шагом, и, войдя в маленький душный коридор, упала, потеряв сознание. Помню только, что в голове закружилось, в глазах потемнело, кто-то что-то закричал, меня положили на деревянную скамейку, и дали понюхать нашатырный спирт. Постепенно я пришла в себя. Мне велели ещё полежать, резко не вставать, и домой идти медленно...

Я бросила сдавать кровь, когда окончила техникум и уехала по распределению на работу.

Тётя Тоня рассказывала, что она уже, даже, если бы захотела, не смогла бы бросить сдавать кровь. Организм сначала вырабатывал кровь, чтобы довести объем крови до прежнего уровня, а потом организм обретает новое свойство – вырабатывать кровь постоянно, как машина. И тогда повышается давление. Человек испытывал наркотическое желание – избавиться от излишка крови, и он бежал в донорский пункт. Иногда, уже за несколько дней до сдачи, испытывалось такое желание...

После сдачи крови, тётя Тоня покупала вино и напивалась. Два – три дня она пила, пока не приходила в себя полностью.

А я стремилась что-нибудь купить. Но и здесь в который раз проявлялась моя непрактичность и незнание многих элементарных вещей. Я пошла на тот вещевой рыночек, где те же торговки, так же продавали старьё, а из-под полы – новые вещи. Я сказала, что хочу купить туфли. Одна торговка сказала – «Щас!», и убежала. Через минуту она появилась, и я от туфелек не могла уже оторвать глаз. Аккуратненькие, коричневые, лакированные, с застёжкой на пряжке.

Я померила, а они мне жмут. Торговка уговаривала – разносят. Я купила. Долго я их разносила, и ходила в них, поджав большие пальцы ноги. Но, в конце концов, они разносились, но уже тогда, когда сами туфли порядком поизносились, и лак на них потрескался...

Наверное, именно тогда у меня проявились первые попытки «изобретательства». Чтобы обновить туфли, я их покрывала лаком для ногтей, и т. д. Наверное, недаром есть поговорка – «Голь на выдумки хитра...».

А ещё я помню, что купила себе шапочку. Она только называлась шапочкой. Это был кусочек красного фетра, вырезанный в виде арбузной корки, с дырочками по краям и бантиком сбоку. Держалась она на резиночке, чтобы не слетала с головы и была очень модной.

А ещё я сделала химию. Первый раз я обрезала косички, и первый раз была в парикмахерской... Но, поскольку я

не умела ещё ухаживать за завитыми волосами с короткой стрижкой, я просто закалывала их по бокам заколочками, и ходила вечно лохматая.

Но то, что я сделала с собой, по отношению к своему здоровью, скажется много лет спустя. Я заложила первый камушек в фундамент башни, которая строится годами, и находится внутри нас, это – атеросклероз, повышенное давление, головные боли, гипертонические кризы...

Впервые я почувствовала это где-то году в 1966–67. Мы: я, Витя, Ёлка и Олег (дети) ездили в парк имени Горького. После нескольких аттракционов, мы пошли кататься на качелях. Сначала катались дети, а потом я предложила Вите, чтобы мы покатались сами, вспомнив «молодость». Мы стали раскачиваться всё сильнее, и сильнее. И вдруг я почувствовала, как голову стало сдавливать. И с каждым разом, когда я взлетала вверх, к голове приливалась кровь так сильно, что я испугалась, и попросила остановить качели...

Это был первый звоночек, а причиной могло быть именно то безрассудное (не по качеству, а по количеству) донорство. Конечно, я сдавала кровь из-за денег, но скольким людям я помогла, хотя об этом даже не задумывалась. По сути, я делала хорошее дело...

Очень жалею, что не сохраняла справочки о сданной крови. Много позже, уже в 1980–ых годах, когда на работе объявляли «день донора», и я сдавала вместе со всеми кровь (безвозмездно), моя любимая сотрудница – ВИКА имела

звание заслуженного донора. Я могла бы, наверное, иметь такое звание, за сданную кровь в студенческие годы.

Писем, которые я получала в 1956 году было мало.

На Первомайские праздники я не поехала в Шатуру, за что получила упрёк от моей любимой подружки, бывшей одноклассницы – Шурочки Ярыгиной.

Я любила её за то, что она была такая чистая, такая нежная. Мне казалось, что она всегда светила, как маленькое солнышко...

В этом году у меня сохранилось только одно письмо от Шурочки...

Письмо в Орехово-Зуево из Шатуры.

6.04.56 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

С ГОРЯЧИМ ПРИВЕТОМ – ШУРА.

Ира, я извиняюсь, что не могла прийти к тебе в воскресенье, т. к. я не приезжала домой. А почему ты на май не приезжала домой? Я на май была дома 2 и 3-го мая. А в это воскресенье я решила не ехать. Теперь приеду домой 13-го мая.

Май я провела так себе, почти весь май, оба дня

спала, да и настроения никакого не было, чтобы идти куда-нибудь.

Приглашала Маша, но я к ней не пошла. У них случилось несчастье, ты, наверное, уже слышала, что у них утонул отец, он в больнице сейчас.

С 18-го по 31 мая мы сдаём экзамены. Экзамены сдаём теперь по четырём предметам, а с 1-го по 28-е июня едем на практику в Коломенский район.

О чём ещё тебе, Ира, написать? Даже и не знаю. На этом кончаю.

До свидания. Целую.

Шура Ярыгина.

Спасибо за открытку и приглашение.

Часть 5

Диплом

Итак, год кончался, и в этом году было много разных событий. Но одно из них было ещё впереди – это защита диплома.

Темой моего диплома было – проектирование школы.

Вот, если бы сейчас я проектировала школу, я бы, наверное, создала что-нибудь интересное. А тогда, даже с подсказками руководителя проекта, у меня получилась, на мой

взгляд – обычная школа. Ну, может быть, и были какие-нибудь интересные моменты, но мук творчества я не помню...

Защита прошла нормально, впрочем, как и у всех сокурсников.

ТЕЛЕГРАММА ОРЕХОВО – ЗУЕВО ЛЕНИНА 10
СТЕПАНОВОЙ ИЗ ШАТУРЫ
31. 12. 56 г. СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ
ЗАЩИТОЙ ДИПЛОМА
НОВЫМ ГОДОМ ГОРЯЧО ЦЕЛУЕМ
СТЕПАНОВЫ

А потом все с волнением ждали распределения. Наконец, вывесили списки мест, куда нас могли послать. И оказалось, что все места были – на Север. И только одно направление означало – Ереванстрой.

В большом зале, в котором до этого проходила защита дипломов, за теми же столами сидела комиссия. А мы все волновались и толпились за дверями.

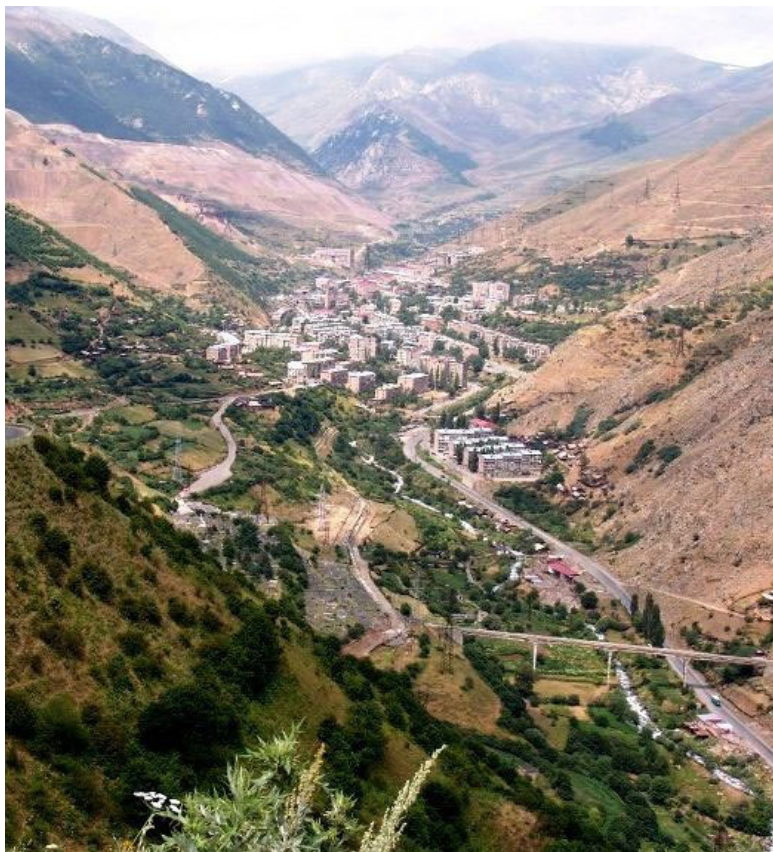
Входили по одному, и к каждому выходявшему мы кидались навстречу и спрашивали – «ну как? Куда?».

Наконец, дошла очередь до меня. Вошла. Встала перед столами. Мне задают вопрос – «Познакомились со списком?» – «Да» – «И что же Вы выбрали для себя?» – «Ереванстрой». Воцарилось молчание. Потом заговорили чуть ли не все сразу члены комиссии: – «Подумайте ещё раз... Для девушки это место не рекомендовали бы... и т. д. и т. п.». Я упрямо – «Я уже думала. Хочу в Ереванстрой» – «Но поче-

му?!?!» – «Я не переношу холода, а на Севере – холодно».
Так меня и записали на распределении – в Ереванстрой.

Часть 6

Армения – дорога в Каджаран

Каджаран Вид сверху

Автор: SKopp – собственная работа, Общественное достояние, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=342948>

На фотографии – КАДЖАРАН.

У меня нет подлинных фотографий самого Каджарана 1956–57 г. г.

Но я отыскала снимок КАДЖАРАНА. Год снимка не указан. Но на нем видно, что этот город (с 1958 года он из селения перешел в градацию городов) находится в ущелье. Правда, когда я туда приехала, мне запомнилось, что в КАДЖАРАНЕ не было столько каменных домов. Все местные жители проживали в обычных сельских домиках – мазанках. Горы окружали КАДЖАРАН со всех сторон...

Моя дорога в затерянный горный посёлок КАДЖАРАН началась с путешествия в этот далёкий край.

Я первый раз так близко увидела горы и этот волшебный край, который назывался – АРМЕНИЯ. Здесь всё было новым, непривычным и – не реальным. как будто я из привычных для меня условий попала в волшебный фильм, в котором играю "очередную роль..."

1957 год

Итак, я собралась ехать по распределению в Ереванстрой.

Я рисовала себе радужные картины – юг, курортная природа, экзотика. В общем – полный комплект приятных приключений.

При сборах оказалось, что нет чемодана. Зато у бабуси под кроватью стояла огромная (высотой в два больших чемодана) плетёная корзина. Я её конфисковала в свою пользу. Наложила всё, с чем не хотелось расставаться, включая письма, адреса, фотографии и т. д.

Наконец, настал день отъезда. Подъёмные были большими – 2000 рублей. По тем временам это были огромные деньги. Большую часть из них я истратила до отъезда, да и билеты стоили не мало. Поэтому с собой у меня уже была небольшая сумма. Но, ведь я ехала работать, и зарабатывать...

Папа проводил меня в Москву, и посадил на поезд. Уезжала я радостная, полная надежд на счастливое будущее...

Поезд в Ереван пришел ночью. Выйдя из вагона, со своей плетёной корзиной, я оказалась на вокзальной площади одна, так как все приехавшие, быстро куда-то рассосались. И лишь небольшая очередь стояла на остановке такси. Решила и я поехать в гостиницу. Святая наивность! Таксист мне сразу сказал, что ни в одной гостинице мест свободных нет. Я сказала, чтобы он вёз меня в любую гостиницу, а там будет видно. Он отвёз в Центральную, высадил меня у входа, взяв с меня 25 рублей, и уехал.

Я подошла к стойке дежурного. Действительно, мест не было. Пока я раздумывала, ко мне подкатил интересный мо-

лодой армянин. Он стал расспрашивать – откуда я и зачем? Я отвечала. Он сказал – сейчас всё устроим.

Он пошептался с дежурным, потом сказал, что номер для меня нашли, проводил меня до дверей, и сказал, чтобы я ни о чём не беспокоилась, а завтра с утра он придёт, покажет мне город и поможет с дальнейшим устройством...

Номер был большой, шикарный с моей точки зрения, тем более, что я в первый раз ночевала в гостинице. Я устала, и заснула сразу же. Но проснулась рано, так как, видимо, волнение предстоящего решения моей судьбы, подсознательно беспокоили меня. Я умылась, с удовольствием осмотрела номер, и спустилась вниз, чтобы заплатить за номер – вчера я не платила, как потом я догадалась, за номер заплатил тот молодой человек.

Я узнала, что номер в сутки стоит 25 рублей. Я пришла в ужас. За два – три дня я рисковала оставить в гостинице все свои сбережения. Я сказала, что немедленно выезжаю из гостиницы. Дежурный, который ещё не сменился со вчерашнего дня, забеспокоился, стал меня уговаривать остаться, говорил, что проживание в гостинице для меня не будет ничего стоить и т. д. Но, когда он понял, что я со своей корзиной уже сдала номер дежурной по этажу, содрал с меня 25 рублей за прошедшую ночь.

И опять мне пришлось брать такси и ехать в Ереванстрой, точнее – трест Закавказцветметтрест, как было написано в направлении. Принял меня начальник Управления этого

треста. Я помню, как вошла в почти пустой огромный кабинет, в глубине которого за столом сидел маленький толстенный, не молодой, на вид очень сердитый мужчина. Он пригласил меня подойти, не предлагая сесть, изучил моё направление, потом что-то черкнул на нём и сказал – «В отдел кадров».

В отличие от его кабинета, отдел кадров был малюсенькой комнаткой. Там мне объяснили, что закавказцветмет – это не Ереван. И только сам трест находится в городе. А предприятия его все расположены по всей республике. В частности меня предписано, рукой начальника Управления, направить в Каджаран. Адрес мне написали.

И поехала я со своей корзиной опять на вокзал. Выяснилось, что Каджаран находится в Кафанском районе. Поезда в Кафан, или через Кафан идут раз в сутки. Взяла я билет. Деньги таяли, так как каждый раз таксисты сдирали с меня по 20 рублей.

Поезд не был похож на поезда дальнего следования. И, хотя вагоны и имели верхние полки, места были все жёсткие. Вагоны, скорее напоминали наши пригородные поезда. Да и народ ехал всё больше похожий не на вылощенных горожан, а на рабочий и колхозный контингент.

Пристроилась я у окошечка за столиком. Напротив меня ехал мужчина лет сорока с небольшим. Разговорились. Узнав, куда я еду, он зацокал языком. Но что это означало, я не поняла. Он меня угостил какой-то едой, что было кстати,

так как в Ереване я ничего не ела.

Поезд в Кафан пришел ночью. Этот мужчина пригласил меня переночевать у него дома, и заверил, что бояться мне нечего, так как дома у него жена и дети. А я и не боялась. Удивляюсь, какая я по прежнему была наивная и беспечная. Наверное, меня всегда охранял по жизни мой ангел – хранитель.

Дома у этого мужчины, нас, действительно встретила жена. Детишки уже спали. Она нас накормила, мне постелили постель в комнате с детьми, и я уснула безмятежным сном...

Утром, когда мы все завтракали, хозяин гостеприимного дома уже откуда-то вернулся. Он рассказал, что у него есть родственник, который работает шофёром, и возит грузы на машине в Каджаран. И мне повезло, именно сегодня он туда едет, и именно сейчас заедет за мной.

И повезли меня в Каджаран. Кончился Кафан. Дорога медленно поднималась в горы. Мы ехали – ехали, уже горы обступили дорогу со всех сторон, а мы всё ехали, поднимаясь всё выше и выше. Оказывается, Каджаран находится 2200 метров над уровнем моря, на границе с Турцией. Я первый раз видела гордое величие гор и их несравненную величавую красоту...

В Большой советской энциклопедии – (Советская энциклопедия 1969–1978 г. г.) о Каджаране есть следующие сведения...

Каджаран – город (до 1958 – посёлок) в Кафанском

районе Армянской ССР.

Название получил от располагавшегося на его месте села Каджаранц.

Каджаран;н (арм. – обитель храбрецов) – город, основанный в 1958 году на западе Сюникской области в Армении. Ранее город входил в состав Кафанского района Армянской ССР.

Расположен на восточных склонах Зангезурского хребта к северу от Мегринского хребта в верховьях реки Вохчи на высоте 2000 м., в 32 км к западу от ж.-д. станции Кафан, с которой соединён автомобильной дорогой. Расстояние до Еревана – 356 км, 11 тыс. жителей (1970).

Каджаран – в 32 км от ж.-д. ст. Кафан... В нем находятся комбинаты: медно-молибденовый.

Сегодня – Каджаран – крупный центр горнорудной промышленности и цветной металлургии, в городе расположен Каджаранский (Зангезурский) медно-молибденовый комбинат – крупнейшее горно-металлургическое предприятие Армении. Строительство комбината началось в 1940 году, но было приостановлено из-за войны и возобновилось в 1944 году. В 1951–1952 годах он был введён в эксплуатацию.

Конечными продуктами производства являются:

Концентрат меди, использующийся для производства меди, которая в свою очередь используется в электрической промышленности, сплавах (латуни, бронзы), машиностроении и т. д.

Концентрат молибдена, использующийся для

производства триоксида молибдена. Конечные сплавы молибдена применяются в авиационной промышленности, ядерной и реактивной технике.

Население города составляет 8,1 тыс. человек, на комбинате работают около 3500.

В Каджаране есть ещё – комбинат строительных изделий и – Строительный техникум.

Мы переехали через старый деревянный мостик, перекинутый поперёк бурной речки, и въехали, наконец, в посёлок. От самого края посёлка и далеко вверх раскинулись ступеньками улочки, на которых, как прилепленные белели мазанки – домики. Поскольку была зима, зелени, естественно не было, но деревья около домиков росли. В центре посёлка стояло несколько двух и трёхэтажных кирпичных домов. Это были – гостиница, столовая, контора и ещё какие-то официальные дома. Шофёр высадил меня у конторы и поехал по своим делам.

Начальника строительства не было. Меня принял главный инженер, чем-то напоминающий начальника Управления в Ереване. Мы познакомились. Он сказал, что здесь много русских. Они все в своё время приехали сюда по распределению. Так же, как и я, а потом вышли замуж за местных ребят. Некоторые из них продолжают работать, а те, что обзавелись детьми, занимаются хозяйством. Общежития здесь нет. Поэтому, пока не выделят мне комнату, которая, возможно, освободится со временем, я должна пожить в гости-

нице.

Завтра утром могу выходить на работу, на полигон. Затем он позвонил и вызвал к себе коменданта. Пришла женщина – армянка. Она отвела меня в гостиницу, и поселила в двухместном номере. Комната была почти уютная. Я даже не ожидала. Кровать высокая, мягкая. Стол, два стула, шкаф, тумбочка с зеркалом. А что ещё нужно человеку? Даже раковина с водой была. Правда, вода из крана текла не всегда. Ну, вот я и добралась...

В гостинице жила ещё одна русская девушка – Феня. Редкое имя. Мы с ней познакомились в тот же вечер. Она потихоньку стала вводить меня в курс местных обычаев...

Часть 7

Полигон

Утром пораньше я пришла в контору, зашла к главному инженеру. Тот опять позвонил и пригласил к себе прораба. Познакомил нас, и сказал, что это – Леон. Обращаться можно к нему – Леон – Даи. Это означает – дядя Леон. Леон – Даи был пожилым, седым, худощавым мужчиной. Первое, что он сказал – «От меня ни на шаг». Что это означало, я поняла позже.

В Каджаране планировалось большое строительство целого ряда секретных предприятий. Строительство должно было быть в долине, в пойме реки – «ЧАЙ». Но река сама мешала своим местоположением, так как весной, во время разлива, заливала всю долину. Поэтому её решено было переместить на другое место. В настоящее время строили для неё новое русло.

Выглядело это так. В долине, которая, как большая чаша располагалась в внизу ущелья, на большое расстояние протянулись высокие мостки – метра три от земли. От самой земли вверх устанавливались деревянные щиты – опалубка. Туда заливали цементный раствор, перемежая его кучей камней, утрамбовывали всё это, и получалась бетонная стена. Потом, когда бетон застывал, опалубку и подмости пере-

двигали. Так и двигались бетонные берега, в которые должна была перебраться река, освободив поймище для строительства железобетонного комбината. Комбинат должен был впоследствии обеспечить строительство объектов и домов будущего города – КАДЖАРАНА.

Но меня потрясло другое. Когда мы с Леон – Даи подошли к полигону, я было замерла от неожиданности. Мы стояли наверху. Далеко внизу, как на дне большой тарелки копошились сотни людей в тёмных одинаковых робах. А по верху этой «тарелки» стояли через каждые 20–30 метров военные с автоматами.

Оказалось, что всё строительство велось заключёнными. Их привозили на машинах каждое утро, и увозили только вечером. Все заключённые были разбиты на бригады по 10–15 человек. Каждая бригада делала определённую работу. Одни – на бетономешалках делали раствор, другие на носилках – подтаскивали камни, третьи – утрамбовывали бетон. Все бригады были расставлены так, чтобы они хорошо просматривались сверху охранниками, и работали на расстоянии друг от друга. Повыше, в горах работали камнетёсы. Они кирками отбивали от гор огромные глыбы камней, и здесь же разбивали их – на более мелкие. Когда в какой-нибудь бригаде кончался камень, на весь полигон летел пронзительный крик – «Кар чка! Кар чка!» (камня нет).

Долина, в которой велись работы, напоминала огромную чашу с крутыми отвесными, как обрубленными, бортами.

Вдоль реки выстроены леса, метра на три возвышавшиеся над будущим руслом реки. А по ним в каком-то замедленном размеренном темпе двигались человечки в тёмных робах.

А если взглянуть вверх, к далёкому небу, увидишь, как по дороге, проторенной по краю этой чаши, тоже медленно двигаются человечки в зелёном. Только у людишек внизу – были в руках носилки с бетоном, который они, поднявшись на подмости, выливали в опалубку, и тяжёлые трамбовки, которыми они утрамбовывали раствор, а у других – наваху – были винтовки...

Работали они размеренно, практически без отдыха. Иногда бригадир давал команду, и они замирали на своих местах, или присаживались там же, где только что работали. Многие спешили перекурить.

В первый день Леон-Даи не отпускал меня ни на шаг. Мы спустились вниз, где у края полигона стояла конторка. Там мы и работали. Каждый день нужно было замерять объёмы проделанной работы. К концу месяца на каждую бригаду мы закрывали наряды. За 100 % выполненных работ не полагалось ничего. За каждое перевыполнение плана заключённым засчитывали в счёт положенного срока заключения лишние дни. Кажется, при выполнении плана на 200 % шел день за два. Но такие наряды мы закрывали только при авральных работах. Чаще всего мы им натягивали объёмы в нарядах, позволяющие засчитывать им не более полутора дней в сутки, а то и меньше.

В этом лагере, поставлявшем рабочую силу на полигон в основном отбывали срок заключенные, осужденные на 10 лет и больше. Поэтому мы с Леон-Даи были для них, как боги, сокращавшие срок их отсидки. Именно поэтому нас уважали, и в обиду не давали.

По инструкции мы могли общаться только с бригадирами. Но в наши обязанности входило – проверять качество работ. Поэтому мы часто по очереди обходили все бригады. Сначала ходили вместе с Леон-Даи. А потом, когда я освоилась, и ко мне привыкли, я уже запросто ходила везде среди заключённых одна.

Иногда мне приходилось выполнять мелкие поручения. Все письма, которые заключённые отправляли в лагере, проходили цензуру. И порой они обращались ко мне с просьбой опустить письма в почтовый ящик в посёлке в Каджаране. Я соглашалась. Они незаметно засовывали письма в карман моей телогрейки. Пару раз меня просили купить и принести им расчёску или какую – то другую ерунду. В лагере очень много сидело шофёров, которые сбили машиной человека. Конечно, было много и убийц. В общем, романтики хватало.

За всё время, что я там проработала, а это всего – три месяца, у меня было лишь два неприятных момента.

Первый, это когда один хулиганистый парень решил посмешить своих друзей. Когда я пришла в их бригаду, и медленно проходила по подмосткам мимо работающих заключённых, этот парень тихонько спрыгнул вниз, и прокрался

под мостками к тому месту, где я остановилась. Он делал вид, что сквозь щели между досками смотрит мне под юбку, и корчил рожи, жестикулировал руками, как будто увидел чёрт те что. Самое интересное, что я ничего не заметила, а у всех был такой серьёзный вид, как будто ничего не происходило. Я уже не помню, откуда я узнала об этом. Ведь, кто-то меня предупредил, чтобы я не попала в такое положение вторично...

А второй случай был трагичнее. На второй день после зарплаты, я взяла с собой деньги, чтобы после работы сходить в магазин. Деньги положила в карман телогрейки. И они у меня пропали. Причём я точно знала, что ходила только в бригаду Оника (имя бригадира). В этот же день я Онику сказала об этом. А потом несколько дней обходила их бригаду стороной. А впереди было закрытие нарядов... Однажды мне передали в другой бригаде, что Оник очень просил меня зайти к нему в бригаду. Пришла. Все молчат. Я прошла по их участку – молчат. Ушла. И когда уже подходила к конторке, машинально сунула руку в карман..., а там – мои деньги. Кто их украл, как они это определили, не знаю. Я ничего не почувствовала, ни когда их крали, ни когда их положили назад. Я только знаю, что один из бригады парень несколько дней не появлялся на работе. Вроде бы, его «проучили». У них свои «законы»...

После того, как будет речка переведена в новое русло, в этом месте должен был быть построен большой железо – бе-

тонный комбинат. Он должен будет обеспечивать изделиями строительство какого-то предприятия закрытого типа. И правда, не возить же железобетонные плиты из Кафана в горы...

Часть 8

Гостиница

В Каджаране я быстро перезнакомилась со всеми русскими женщинами, и, естественно с молодёжью, среди которых было несколько молодых специалистов.

Первое, что я усвоила, это нельзя принимать ухаживания от местных ребят. По их обычаям – если проявила внимание кому – то, считается, что ты сделала свой выбор. А, если посмотрела на другого, – крах твоей репутации. Тебя не только опозорят, но и «ворота вымажут дёгтем». Особенно это касается русских девушек. Когда только ещё начиналось строительство в Каджаране, сюда привезли завербованных русских девчат, которые вели себя, ну, прямо скажем – не скромно. После них, всех русских женщин называют за глаза не иначе, чем русские сучки. Армянские девушки ведут себя, согласно обычаям, очень скромно, хотя и среди них есть всякие...

Учитывая советы доброжелателей, первое, что я сделала – окружила себя постоянной свитой. Это были трое молодых специалиста, окончивших ереванский строительный институт. Один из них – Левон Аристокисян, остальных я не помню, как звали.

Мы договорились, и везде появлялись только вместе – и в

кино, и в столовой, и в клубе. Я, естественно, сразу же ввязалась в художественную самодеятельность. И на ближайшем же празднике танцевала что-то вроде лезгинки, только армянской. Я помню, как на этом празднике пела одна женщина. Её голос, словно плакал. Она пела грустно и протяжно. Слов я не понимала, но сердце сжималось от её пения...

Пробовала я заучивать армянские слова и фразы. До сих пор помню некоторые из них. «Жамэ канэсне? – Сколько времени?». «Мэг, ерик, чёрс – раз, два, три». «Ес кэс серумем – я тебя люблю». «Серум – любимая». «Ес кес амперюи – я тебя целую». «Барев дзес – здравствуйте». «Шат ват гасканумем – я плохо понимаю». Вот, кажется, и весь запас моих знаний.

Сразу же после приезда в Каджаран, меня поселили в гостиницу, в двухместный номер. В нём жила, приехавшая в командировку с контролем – представитель министерства из Москвы. Иногда вечерами её навещал кто-то из местного начальства – армянин. Он обязательно приходил с бутылкой дорогого армянского коньяка. Они о чём-то вели долгие беседы. Иногда предлагали коньяк и мне. Но напитками я тогда не увлекалась, потому – отказывалась. Гость цокал языком и объяснял мне, что коньяк пьют не ради выпивки, а для здоровья. И он наливал в фужер на пару глотков коньяка, потом поднимал бокал к свету настольной лампы так, чтобы я рассмотрела коньяк на просвет, и глядя на его янтарное свече-

ние, долго мне объяснял достоинства этого напитка. Причём говорил он о нём с таким уважением и любовью, будто рассказывал о любимой женщине...

Но его слова, выговариваемые с акцентом, были понятны и запомнились надолго...

Он говорил, что коньяк среди множества других напитков особо ценится возмужавшими мужчинами, понимающими его достоинства. Коньяк нельзя пить залпом. Его вкушают маленькими глотками, не спеша, так как он ценится послевкусием.

Позже я вспоминала, что меня так же учили пробовать сухие красные вина. Взяв в рот глоток вина, не проглатывать его сразу, а поболтать во рту от щеки к щеке. И постепенно вино раскрывает тебе свой вкус и аромат.

А вот – глоток коньяка нужно оказывается – проглотить сразу.

И тогда во рту остаётся это незабываемое восхитительное послевкусие...

Коньяк не любит холода. Поэтому его не ставят в холодильник.

Тем не менее, после того, как бутылку, поставленную на стол – раскупоривают, еще где-то минут 30 коньяк в фужеры не разливают. Считается, что коньяк за это время полностью раскрывает свои вкусовые качества и аромат.

Почему-то мне запомнилось, что наш гость, налив коньяк, прежде, чем выпить, согревал свой фужер в ладонях, потом

поднимал его в в вытянутой вверх руке, произносил длинный тост, и только потом делал глоток.

Обычно коньяк не принято ничем заедать. Но почему-то многие, заедают выпитый коньяк долькой лимона. А как же послевкусие? Ведь лимон перебьёт его?

Но чаще всего, я старалась не мешать их беседам и уходила в коридор. Там стоял диван, которых теперь не увидишь нигде, наверное. Сиденье полужёсткое, обитое чёрной кожей. Спинка плоская, деревянная – высокая, обитая цветным ковриком.

Рядом стоял столик.

В Каджаране я подружилась с девушкой – Феней. Она меня знакомила с примечательностями Каджарана. Часто приходила ко мне в гостиницу и мы сней подолгу болтали, сидя в коридоре на диване.

У меня осталось несколько любительских фотографий, которые однажды сделал командировочный, приехавший то-

же из Москвы. А вообще в эту дали приезжие наблюдались редко.

А вот теперь – присмотритесь к этой фотографии внимательнее. Над головой Фени явно виден фантом какого-то мужчины с усами.

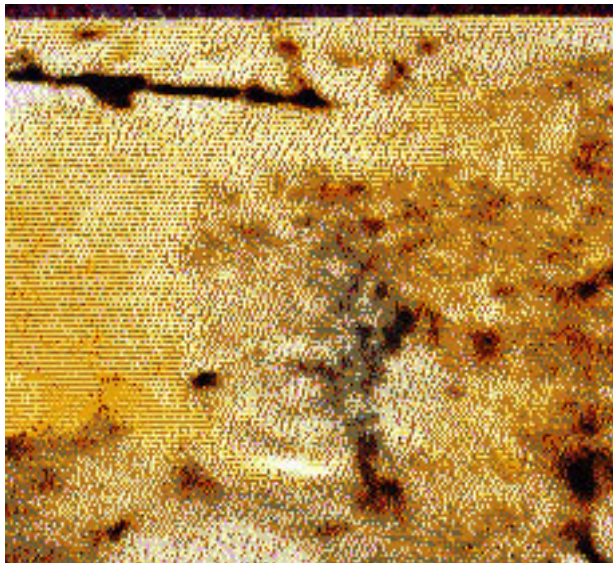
А ведь мы фотографировались на фоне горного склона, что видно на предыдущей фото=графии.

Я ведь как-то уже вспоминала, что на некоторых фотографиях у меня такое встречается. И не так уж и редко...

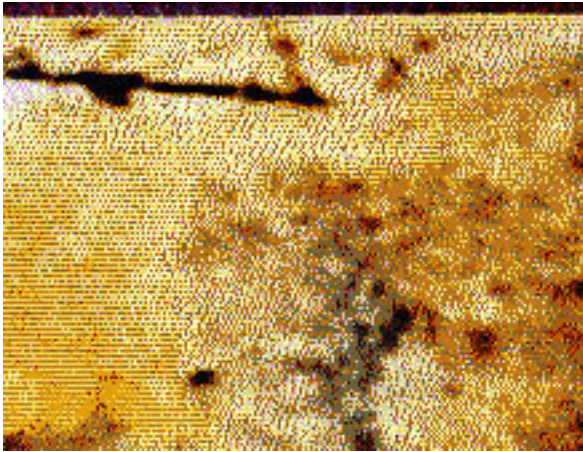

Вот на этом снимке можно с трудом рассмотреть на фоне камней этот же фантом. Причём чуть ниже виден ещё чей-то профиль... Я рассматриваю это видение через лупу. Сейчас попробую обрезать снимок и увеличить. Посмотрим – что из этого получится...

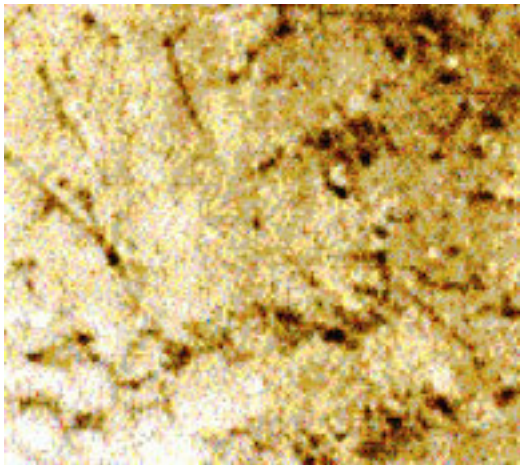
Вот то, что получилось вырезать с первого снимка...

Меня смущает белая полоса внизу снимка. Я её обрезала, и о – чудо! Получился маленький портрет.

А вот – вторая вырезка из снимка – кусочек, который находится ниже этого силуэта и чуть-чуть – правее.

Надеюсь, что нет сомнения в том, что это не фальсификация?

Конечно, можно сказать, что это только мои фантазии. И, кроме меня этих силуэтов (фантомов) на камнях никто не видит.

Но, даже, если это только мои воображения, нужно удивляться – каких только загадок не задаёт нам природа, и особенно в горах... Я-то в этом убедилась не на одном факте, запечатлённом на снимках...

Ещё когда я жила в гостинице, мне стали рассказывать про какого-то Володю. Молодой армянин с русским именем женился на русской девушке Наташе. Однажды в плохую по-

году, автобус сорвался с горной дороги, и упал в пропасть. Все погибли. Среди пассажиров была и Наташа. Так вот, я лично этого Володю ни разу не видела, а мне стали рассказывать, что Володя, увидев меня, поразился тому, что я очень похожа на Наташу. Потом он стал всем говорить, что влюбился в меня, и обязательно женится. Потом мне передали, что он скоро придёт свататься. И, действительно, однажды с кучей армян пришёл в гостиницу, но его не пустили, а я, естественно, не вышла, и передала через дежурных, что никогда... Говорят, после этого он запил.

Однажды меня вызвал к себе главный инженер. Спросил – как мне работа? Как живу? Потом сказал, что приняли решение предоставить мне комнату, поскольку кто-то уехал в доме для молодых семей.

По нашему – это что-то вроде семейного общежития. В доме – длинный коридор, по обеим сторонам которого были двери.

В конце коридора – туалет и кухня. В кухню я не ходила, так как питалась в столовой. В комнате была казённая кровать, шкаф, стол и стул. Если честно, в гостинице было лучше. У меня ничего не было своего, поэтому комендант выдала мне и постельное бельё, и одеяло. С зарплаты я пошла в местный магазин, мечтая купить что-нибудь в комнату, чтобы создать хоть какой-то уют. Но в магазине не было ничего подходящего на полупустых полках. И купила я половик на пол. Это тканая, серая в крапинку дорожка. Такие я видела

когда-то в деревнях. И ещё купила кружку для чая. Вот и все приобретения, сделанные мной в Каджаране.

Я написала письмо домой, и попросила выслать мне кое-какие мелочи, необходимые для проживания, типа какой – то посуды или ещё чего-то, не помню. Мне посылку из дома выслали, и, наверное, я её получила.

ТЕЛЕГРАММА

КАДЖАРАН ЕРЕВАНСКОЙ КАФАНСКОГО
РАЙОНА ГОСТИННИЦА

ПИСЬМА ПОСЫЛКА ОТОСЛАНЫ МОЛЧАНИЕ
ВОЛНУЕТ

ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЗДОРОВЬЕ

ПАПА

На фотографиях – мой верный «охранник» – Левон со своими друзьями. С некоторыми из них я познакомилась, когда была в Ереване.

Часть 9

Прощай, Каджаран!

Зарплата в Каджаране у нас у всех была повышенная, так как доплачивали за высокогорность. Но и цены все были такие, что они съедали больше любых добавок. И ещё мне не нравилось в этом доме, куда меня поселили, что там не было вахтёров и дежурных, как в гостинице.

Коридор был, как проходной двор. Ходили мимо дверей незнакомые люди. Ночью я боялась, и закрываясь на ключ, придвигала к двери стул, для того, чтобы услышать, если кто-то полезет.

В соседнем таком же доме были комнаты, в которых жила моя «свита». Мы попрежнему ходили все вместе. Иногда мы приходили к Левону. У него были хорошие пластинки. Кажется, я пару раз даже поцеловалась с Левоном. Я считала, что это так, между прочим... А он подумал, что из всех троих ребят нашей компании я выбрала его.

Мне интересно было посмотреть, как живут наши девочки, вышедшие замуж за армян. Про эти семьи рассказывали что-то ужасное. Им мужья запрещали работать, особенно после рождения детей. Они вели всё хозяйство. Мужья ничего не делали дома. Жена, приготовив обед, накрывала на стол, но садиться обедать вместе с мужем она не имела пра-

ва. Сначала ели мужчины, потом женщины. Жена без мужа, кроме магазина, не имела права никуда сходить. Зато муж пользовался неограниченной свободой.

Правда, была одна семья, в которой в виде исключения, жена работала в конторе. Я несколько раз приходила к ним в гости. Мужа звали – Вазген.

Однажды Вазген познакомил меня с другом – Рафиком, который жил и работал в Кафане. Рафик пробовал ухаживать за мной. Но, когда я узнала, что он женат, выбросила все фантазии из головы. А то мне уже начинало казаться, что я могу влюбиться в него. Мне нравилась его молчаливость, гордая осанка, и какая-то особая южная привлекательность.

Быстро летело время. Кончалась зима. Весна в горах особенно красива. Пробуждалась природа. Особенно чуден был воздух. Его можно было, казалось, – пить. На моём участке работало несколько человек гражданских. В их обязанность входило – возить песок на машинах. Все они имели пропуск в зону. Однажды пожилой шофёр предложил мне сделать с его машиной езду в горы.

Собственно, это был не песок, а россыпь какой-то горной породы. Этот шофёр сказал мне, чтобы я не боялась, – «А то и не увидишь, что такое наши горы весной».

Леон-Даи тоже поддержал его, и я поехала... Действительно, такое не забудешь. Мы ехали сначала немного по основной дороге, а потом – по крутой тропочке вверх – всё выше и выше.

Появились кусты, потом рощица. Был март, а на деревьях уже была молодая листва. Горы были такие загадочные, и разноцветные: от серого цвет переходил в бежевый, потом в коричневый.

Песок брали в каком-то ущелье, где раньше, возможно протекала речка, или ручей. По склону деревья сбегали вниз, а, если посмотреть вверх, казалось, что облака запутались в их ветвях.

Пока грузили в машину песок, я собрала букетик цветов. Они напоминали наши подснежники...

Действительно, стоило посмотреть на это диво – весну в горах.

Однажды, меня позвали наши женщины пойти в горы за целебной водой. Но я не пошла, поленилась. Идти к источнику нужно было километров пять, выше в горы. Там был источник, из которого била «кислая» вода. Она не была кислой, скорее, газированной.

Но её почему-то называли кислой. Женщины брали с собой бидончики, умывались водой на месте, старались напиться впрок, и приносили воду с собой. Говорили, что она долго стоит, не портясь.

Однажды опять меня вызвал главный инженер к себе. Помню, я пришла к нему в кабинет, не раздеваясь, прямо в телогрейке. Он опять спросил меня – как мне работа? Как живу в комнате? Не обижает ли кто? Сесть он не предложил, поэтому я стояла у окна.

Главный инженер встал, вышел из-за стола, подошел ко мне и говорит что-то вроде этого – «Как вам вид из моего окна?» Я повернулась, чтобы посмотреть в окошко, а он в это время обнял меня сзади за плечи.

Я его оттолкнула. Он стал что-то говорить о своих чувствах.

Я ему в ответ о том, что у него семья, что я не из тех, которые способны на всякие там легкомысленные поступки.

Тогда он начал уговаривать меня отнестись к нему благо-склонно, обещал и зарплату повесить, и участок другой, и ещё что-то.

Но, когда он понял, что всё красноречие своё он тратит впустую, он не на шутку рассердился. И здесь-то он уже стал угрожать, вернее, пугать чем-то. Он говорил, что постарается испортить мою репутацию, что на меня будут показывать пальцем, и т. д.

Когда его речи иссякли, он задумался, и говорит – «Ну и как мы с вами сможем теперь работать вместе?»

А я возьми, да и ответь – «А мы можем и не работать. Я могу уехать».

– «Ну и уезжайте. Вот бумага. Пишите заявление». Он, наверное, думал, что я не напишу.

А я взяла и написала заявление. Он прочитал и... поставил свою резолюцию – «Уволить по семейным обстоятельствам».

Я вышла из кабинета, и, даже сразу не поняла, что могу

уехать домой, и что мне теперь делать – радоваться или расстраиваться?

В отделе кадров меня оформили сразу. Я получила на руки свою первую трудовую книжку, где было написано следующее.

1. 1957 г. 1.26.

МАСТЕР ПРОРАБСТВА ПОЛИГОНА СМУ
«2 КАДЖАРАНСТРОЙ»

2. 1957 г. 3.26

Освобождена от работы по семейным
обстоятельствам

Я проработала в Каджаране ровно два месяца.

Неприятности у меня начались в бухгалтерии.

Главный бухгалтер объявил мне, что мною в Москве получены подъёмные в размере 2000 рублей. И, поскольку я не отработала положенный срок, у меня удерживают эту всю сумму.

Я до сих пор не знаю, правильно это было или нет, но мне ничего не оставалось, как получить небольшую сумму, которой мне хватит только на дорогу до Еревана, ну, может быть, на несколько дней, пропитаться в столовой, и всё.

На обходном листе я подписи собрала быстро.

Мне повезло в том, что уже знакомый Вазген уезжал в Кафан, и предложил подвезти меня. Провожала меня только моя верная «свита».

Левон на правах друга, каким он себя считал, дал мне ад-

рес своих родителей, и телефоны самых близких друзей, сказав, что я могу обращаться к ним при необходимости за помощью.

Вазген тоже мне дал Ереванский адрес и телефон своего друга. В общем, поехали мы для начала, в Кафан. Приехали вечером, а поезд уходил ночью. Вазген должен был пойти ночевать к своей Кафанской родне. Мне он сказал, что оставить меня одну не может на вокзале, и пригласил зайти к своим друзьям. Зашли. Оказалось, что он привёл меня в гости к своему другу – Рафику.

Рафик часто приезжал к Вазгену в гости, в Каджаран, и, поскольку я дружила с Тамарой – женой Вазгена, увидев меня там, стал мне оказывать знаки внимания. Но, узнав, что он женат, я сразу же пресекла все его комплименты...

Я познакомилась с его женой, видела их малолетнего сыночка. Нас угостили ужином. А потом Вазген с Рафиком проводили меня до вокзала и посадили в поезд.

Уже в Шатуре, на первомайские праздники я получила от Рафика поздравительную телеграмму. Не знаю, откуда он узнал мой адрес, но мне приятно было получить телеграмму, которая навеяла сразу кучу воспоминаний.

ТЕЛЕГРАММА МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
ШАТУРА СОВЕТСКАЯ
КАФАНА ВРУЧИТЕ ПЕРВОГО
ПОЗДРАВЛЯЮ ПРАЗДНИКОМ ЖЕЛАЮ
УСПЕХОВ СЧАСТЬЯ

РАФИК

Часть 10

Ереван

Поезд пришел в Ереван утром. Почему-то я в первый момент постеснялась позвонить родителям Левона.

Позвонила я знакомым Вазгена. Ответил мужской голос, сказал, что он уже в курсе, спросил – где я, и велел ждать.

Приехал он скоро, вероятно, на собственной машине. Погрузил мою плетёную корзину, и мы поехали.

В каком-то дворе, рядом с каменным домом стоял маленький домик, типа мазанки. В домике была всего одна комнатка и кровать. Стена домика была общей стеной с гаражом. Вероятно, домик в своё время был построен для хозяина гаража, чтобы при необходимости было где переночевать.

Я не помню как звали друга Вазгена. Он дал мне ключи, и сказал, что я жить здесь могу, сколько захочу. Он лишь иногда будет презжать, чтобы спросить – всё ли в порядке, и не надо ли чего.

– «Друзья Вазгена – мои друзья!».

Сначала я запомнила адрес, потом потопала на почту и дала папе телеграмму, чтобы он выслал мне на билет деньги, на главпочтамт до востребования. Своих денег у меня осталось мало. Приходилось экономить.

А пока всё свободное время я занимала тем, что бродила

по Еревану.

Однажды забрела на какой-то рынок. Купила дешевых яблок. Иду по улице, жую яблоки, хоть жевать на улице и неприлично.

И вдруг слышу восторженные возгласы. Ко мне кидается молодой парнишка, обнимает меня. А я его не знаю.

Оказалось, этот мальчик был заключённым, и отбывал срок в Каджаране, а работал на моём участке. И именно те наряды, которые я закрывала, помогли ему вернуться домой раньше срока.

Он говорил-говорил что-то, переходя с армянского языка на русский, и потом опять на армянский. В общем он сказал, что так просто меня не отпустит, что здесь рядом, за базаром его дом, и он обязательно должен меня познакомить с мамой.

А почему бы и нет? Мы, действительно, быстро дошли до его дома. Когда он объяснил маме – кто я, и откуда, мама засуетилась и запричитала так же, как перед этим щебетал её сын.

Сразу же на стол была накинута праздничная белая скатерть. Угощение было не очень богатое, но всё было домашним и вкусным. А чего мне ещё надо было? Я ела, думая, почему нельзя наестся сразу на несколько дней? И ещё я думала, какая гостеприимная нация эти армяне.

На следующий день, неожиданно, появилась какая-то женщина. Она постучала ко мне и спросила друга Вазгена. Я

ответила, что он дома, и здесь не бывает. Как потом я узнала, доброжелатели видели, как в пустой домик поселилась девушка, и поспешили позвонить жене, она и примчалась проверить – так ли это.

Я поняла, что моё гостевание в этом домике подходит к концу. Да ещё сам муж её подлил масла в огонь. В этот же день, к вечеру он приехал, расспросил – кто его спрашивал и т. д. А потом стал клясться верностью другу – Вазгену, что никогда ничего мне плохого не сделает. Но я должна понимать, что он – мужчина, а я такая сладкая, как персик. Он меня не тронет, но вот только он немного рядышком посидит на краешке постели.

Я кинулась собирать свою корзину. Он опомнился, ругнулся по армянски (я поняла по интонации), и убрался во свояси. Я закрылась на все крючки и засовы, а утром рано, подсунув ключ под закрытую дверь, и взяв свою корзину, отправилась – куда? А куда мне было ещё идти – к родителям Левона.

Приняли они меня, как невесту сына. Видно, редко в Армении сыновья приглашают в дом родителей знакомых девушек. У меня началась райская жизнь на всём готовом. Родители Левона были интеллигентными пожилыми людьми, очень приветливыми, добрыми. Всё хорошо, но не могла же я целыми днями сидеть дома одна с его родителями. И я позвонила сначала одному другу Левона по телефону, который он мне дал. Эдик, так его звали, возил меня по Еревану, по-

казывал достопримечательности, показал детскую железную дорогу, и много всякого другого. Мы даже целовались в каком-то парке. Я думаю, что Левону он об этом не рассказывал потом.

Потом я позвонила другому другу. Мы с ним ходили в кино. Помню перед началом фильма, в фойе, на балконе играл оркестр. Мне стало интересно – в кинотеатре и оркестр. Мы прошли в центр фойе, чтобы мне лучше было видно оркестр. И вдруг весь оркестр, продолжая играть, встал, и продолжал играть стоя. А кругом, стоявшие поодаль люди, захлопали. Мой кавалер объяснил мне, что они обратили на нас внимание, и оркестр таким образом выказал нам своё уважение и поздравления, и, что в основном комплименты относились ко мне.

Ах, как было приятно. С этим другом мы тоже гуляли, и тоже целовались. Я думаю, что и он ничего потом не рассказал ни Эдику, ни Левону.

Наконец, пришел перевод от отца. Шел он так долго, потому что его отправили не авио, а обычным почтовым. К тому же папа прислал мне сумму, которой хватало только на общий вагон.

Пришлось занять у родителей Левона 25 рублей, и купить билет в плацкартный вагон. Ехать-то надо было не одни сутки. Родители его сказали, чтобы я не высылала деньги, а купила бы и прислала им посылочку с порошком какао, который мама Леона употребляла для выпечки.

А пекла она отменно. Однажды у них дома собралось на какой-то праздник много гостей. Жарили и пекли дня три подряд. Так вот, такой выпечки я больше никогда в жизни не видела, и не пробовала. Там было печенье – курабье, трубочки с орехами, домашняя халва, различные пирожные и т. д. и т. п. . . .

Но это было, а в поезд я села без съестных запасов. А немного денег надо было сберечь, чтобы потом из Москвы добраться в Шатуру.

Часть 11

Володя Качьян

Моё место было на второй полке. Чтобы не так хотелось есть, я всё время валялась. А внизу у окошка сидел симпатичный морячок, который возвращался из отпуска к месту службы.

Я слезла, и скромно так, позволила ему со мной познакомиться. А потом он восторженно угощал меня домашней едой, которую в изобилии дала ему мама с собой. Там было и варенье, и домашние булочки и какая-то вкусная домашняя колбаса.

В общем, Володя влюбился в меня по уши, не отходил от моей верхней полки, даже когда я спала.

А я за эти трое суток езды, съела все его припасы. Он уже успел объяснить мне в своих чувствах, и мечтал увидиться со мной после дембеля.

Ну, что ж! Пусть мечтает. Я даже дала ему адрес, чтобы он писал мне письма. Долго ждать не пришлось. Наивные письма, полные надежд, стали приходить от него регулярно.

Володя Качьян

ПИСЬМА ОТ ВОЛОДИ КАЧЬЯНА...

Письмо в Шатуру из Балтийска – «Калининградская область. Г. Балтийск В/Ч 3118 – «2-БК» КАЧЬЯН В,А.».

17.04.57 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРОЧКА!

Во-первых строках моего письма разреши предать далёкий чистосердечный матросский привет, и сообщить о том, как я доехал до места.

Ирочка, я доехал хорошо, только мне было скучно ехать без тебя Когда я проводил тебя, то пока добрался до Белорусского вокзала, чуть было не опоздал, как раз прибежал, когда поезд уже трогался. Конечно, я зашел в вагон, устроился, было трое моряков, с которыми я сразу познакомился и сдружился.

Ирочка, конечно, мы с тобой мало друг друга знаем, и об этом говорили ещё до Москвы, и я доказывал тебе, что ты мне нравишься, и вообще Л – Ю. Ведь, бывает, Ирочка, что человек с первого раза начинает нравиться и с первого взгляда влюбляется.

Ира, я пишу первое письмо, и не нахожу чего писать, но я думаю, что в дальнейшем будем писать друг другу

хорошие письма, и поймём главные наши дела.

Ирочка, пока до свидания. Некогда дальше продолжать. Сейчас выходим в море, и я надеюсь, когда вернусь с моря, получу письмо твоё и фото. Но, конечно, письмо такое, которое давало бы ответы на все мои вопросы, которые я задал в вагоне...

Заканчивая письмо, жму твою руку и крепко целую. Жду ответа.

Владимир.

4.07.57 г.

ПРИВЕТ ИЗ БАЛТИЙСКА!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРОЧКА!

Во первых строках моего письма разрешите передать мой далёкий чистосердечный матросский привет, а затем пожелать тебе наилучших пожеланий в твоей жизни и в работе.

Ирочка, вот уже третий месяц, как мы с тобой встретились и расстались в г. Москве. И всего лишь, одно письмо от тебя я получил, сейчас пишу письмо, не дожидаясь ответа.

Ирочка, а, может быть, чего-либо случилось, так сообщи мне, чтобы мне было ясно, и известна причина твоего молчания.

Ирочка, я знаю, тебе кажется смешным. Что я так

беспокоюсь, но, ведь, смешного ничего здесь нет, если я полюбил тебя и... Но ты опять скажешь, как я мог полюбить тебя, если мы видели друг друга совсем мало, и не зная человека.

Но это мне кажется, что совсем не так я узнал тебя за это время и понял, что ты хорошая спутница жизни.

Ирочка, я хочу написать одно дело, и, наверное, ты обидишься на меня, что я так поступил.

Ира, я написал домой про тебя, так с дома требуют дать полную характеристику, то есть, объяснить, что ты есть, а главное пишут, что, если я полюбил, и нравишься ты мне, приехать вместе домой. Поэтому, я прошу – посоветуй мне, Ирочка, как написать им твою автобиографию, и обещать им, что приеду с тобой. А то, может выйти, так я напишу домой, что приеду вместе с тобой, а ты и не согласишься, тогда не хорошо выйдет.

Ну, а пока до свидания. Передай привет всем своим родным от старших до младших. На этом заканчиваю моё маленькое письмо, и ещё раз желаю счастья. Целую крепко.

ВЛАДИМИР.

Жду ответа. Да, Ирочка, я прошу, вышли фото своё, а я вот на следующий раз обязательно вышлю. Ещё раз до свидания.

Це. К. В.

Владимир.

6.06.57 г.

ЗДРАВСТВУЙ ИРОЧКА!

Во-первых строках моего письма разреши передать мой далёкий матросский привет и пожелать самых наилучших пожеланий в твоей жизни и работе.

Ира, во-вторых я спешу сообщить о том, что письмо я твоё получил, за которое очень и очень благодарю. Конечно, я это письмо долго ждал и думал, что ты уже забыла меня, ведь, с тех пор прошло два месяца почти. А я, Ирочка, часто вспоминал тебя, и наш путь от Адлера до Москвы, и вспоминал, как я ездил провожать тебя на казанский вокзал. Я, наверное, уже писал, что чуть не опоздал на поезд, но всё прошло благополучно. Доехал хорошо.

Ира, я напишу пару слов о себе, если тебе это будет интересно знать. Живу пока хорошо, правда, скучно после отпуска, но ничего, потихонечку обвыкаю опять к службе. Нахожусь пока на старом месте, т. е. на корабле. Ну вот и всё, что я могу написать о себе.

Ирочка, я хочу ещё напомнить о том, что, когда ехал до Москвы, я, кажется, чего-то предлагал – конкретно дружить, а ты так ничего и не ответила. Я надеюсь, что в следующем письме ты скажешь что-нибудь, а я буду повторять те же слова, что я полюбил тебя, а там, хоть смейся, хоть, что угодно думай.

Так что, Ирочка, я прошу тебя, ответь мне на Л. , и вышли своё фото. Ведь, ты обещала выслать в первых письмах, а я постараюсь в следующем письме выслать

своё. Пока всё.

До свидания. Жду ответа.

С приветом – Владимир.

26.12.57 г.

ИРОЧКА, ЗДРАВСТВУЙ!

Во первых строках моего письма разреши передать мой далёкий и чистосердечный матросский привет, и массу наилучших пожеланий в твоей молодой жизни и хорошего здоровья.

Во вторых, Ирочка, поздравляю с наступающим 1958-ым годом, и желаю хороших успехов в Новом Году.

Ира, ты уже, наверное, давно забыла меня, и не ждёшь писем. Это верно. Я заслуживаю этого, но одновременно и не так.

Здесь, когда я получил это письмо, то есть – последнее, то я был в командировке, приехал в часть после 7-го ноября, и с ответом задержался. А тебе, наверное, кажется что я перестал писать письма, потому что узнал, что ты была замужем, нет, это совсем не так, и я человек не маленький, и кое-как разбираюсь в жизни, ибо я сам жил и рос в каких обстоятельствах, ты сама знаешь.

Ирочка, я хочу сказать ещё о том, что уже знают мои родные, и они всегда передают привет, и спрашивают,

какие отношения между нами. И поэтому, Ирочка, я хочу, чтобы мы всё же продолжили нашу переписку, и надеялись друг на друга.

Я знаю, ты мне писала, что ты перестала верить красивым словам, а я их даже не употребляю. Я люблю прямо смотреть в лицо людей, и поэтому, я на людей больше надеюсь, чем сам на себя.

Ирочка, ты не подумай, что я просто хочу провести время, нет, никогда я этим не занимался и не думаю делать этого. Мне кажется, что, если я обижу кого-либо, то я вообще, последний человек стану.

Ну, хватит растягивать, я только прошу, родная, напиши всё и решительно.

Пока до свидания, до скорой встречи. Жду ответа.

Да, Ирочка, я попросил бы, если можно, то вышли фото, вспомни нашу встречу и уговор о том, что будем писать письма, и ты пообещала выслать в первых же письмах мне фото.

Ещё раз до свидания. Крепко жму руку и целую -
Володя Качьян.

17.01.58 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

С большим флотским приветом к тебе – твой друг
Владимир.

Во-первых строках моего небольшого письма, спешу тебе сообщить о том, что я в настоящее время жив,

здоров, чего и тебе желаю в твоей молодой, цветущей жизни, а самое главное, здоровья, ибо здоровье – самое главное в жизни человека.

Во-вторых, разреши мне поздравить тебя с твоим днём рождения, и ещё раз пожелать тебе счастья в жизни.

В-третьих, сообщаю, что письмо твоё долгожданное я получил, за которое тебя от всего сердца благодарю.

Из твоего письма я ещё много кое-чего узнал о твоей жизни.

Ира, ты пишешь мне, чтобы я рассказал о городе, в котором жил я, и где живут сейчас мои родные. Что ж, могу удовлетворить твою просьбу. Этот небольшой курортный городишка, в котором много завлекательного. Ну, а в общем, что о нём описывать. Я думаю, что не пройдёт и года, как ты вместе со мной будешь делать прогулки по этому городу. Я не знаю, только, сбудутся ли мои мечты. А я бы желал с тобой жить в этих местах.

Ира, ты понимаешь, я даже не представлял себе, чтобы я мог встретить девушку в дороге, т. е. в вагоне, и полюбить её в такой короткий срок. Вот, Ира, хоть верь, хоть не верь, а я тебе точно скажу. Вот после того, как мы с тобой встретились, всё время ты у меня стоишь перед глазами.

Ира, ты уж извини меня, что так пишу, это даже и мне самому неудобно. Ведь, нельзя же так объясняться перед девушкой, но я иначе не могу. Ты даже можешь и не поверить моим словам. Но, понимаешь, я так думаю.

«Лучше горькая правда, чем красивая ложь». Пойми, Ира, если бы я не любил тебя, то я бы тогда и не писал бы тебе писем, не тратил бы лишнего времени на эту бумажную волокиту. Ну. Ладно, Ира, об этом мы ещё успеем поговорить, я думаю, что у нас время ещё достаточно.

Ира! Теперь опишу немного о себе. Жизнь моя идёт пока что хорошо, но плохо в одном, что никак не дождусь приказа о демобилизации, так долго идут эти дни. Но, ничего, Ира, больше прослужил, осталось меньше, всего лишь, несколько месяцев.

Да, Ира, ты пишешь, чтобы я описал, в каких я бываю плаваниях. Мы, Ира, далеко не ходим, ходим в Германию и в Польшу.

Ирочка, я должен сообщить о том, что я после отпуска сдал на права шофёра. Ира, ну вот и всё кажется, о чём я хотел тебе написать.

Да, Ира! Я и забыл, я же приготовил тебе небольшой подарочек на твой день рождения. Может быть, он тебе когда-нибудь напомнит обо мне. Может быть, ты ещё не согласишься быть моим другом жизни, то тогда, когда наденешь то платье, на котором будет пришит этот подарочек, хоть тогда вспомнишь, что, мол, есть где-то такой Владимир Андреевич.

Я теперь, Ирочка, прошу, когда будет у тебя день рождения, а это будет 19-го января, то с моим цветочком на груди, выпей стакан – «за нашу дружбу» в 8 часов вечера, а я здесь также в это время с другом, т. е. с Николаем выпьем по стакану вина, хорошо?

Пока до свидания. Жму крепко твою руку и крепко целую.

Твой друг – Владимир.

27.01.58 года.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРОЧКА!!!

Во первых строках моего письма разреши передать мой далёкий матросский привет.

Во первых пожелать массу наилучших пожеланий в твоей жизни, и хорошего здоровья.

Ирочка, сегодня получил твоё письмо, за которое очень и очень благодарю, и вот вечер, ребята пошли на танцы, а я остался на корабле, и стал писать письмо тебе и другу, который служит в Германии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.